

Тэки Одчолок

**ЖИЗНЬ
ИМТЕУРГИНА
СТАРШЕГО**

ЯКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯКУТСК * 1976

С—ЯК
Т96

Тэки Одулок
Т96 Жизнь Имтеургина старшего. Повесть. Якутск,
Кн. изд-во, 1976.

112 с. с илл.

Книга о жизни тундренных людей — чукчей — Колымского округа —
лет за пятнадцать-двадцать до революции.

Книга печатается по изданию «Детгиза» 1936 г.

Т $\frac{70303-97}{M137-76}$ 117—76

С—ЯК

© «ДЕТГИЗ», 1936.

© ЯКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1976.

ОТ АВТОРА

На самом севере Дальневосточного края есть река Ясачная, темноводная, извилистая река. Она впадает в большую реку Колыму, текущую в Северное полярное море.

От Ленинграда до реки Ясачной около 11 тысяч километров. Туда можно доехать, примерно, через три месяца непрерывного пути. Ехать надо сначала на поезде до Владивостока, потом на большом пароходе; с парохода надо пересесть на речной катер, с катера на лодку, с лодки на лошадь, с лошади на оленей, с оленей на собачью упряжку.

На реке Ясачной, среди ивовых зарослей, в шатре из оленьей кожи родился я — пишущий эту книгу.

Отца моего звали Атыляхан Иполун, он был юкагир из рода Чолгородие, то есть заячьих людей.

В детстве я бродил вместе с семьей по лесным долинам реки Ясачной и ее притокам в поисках охотничьей добычи. Но так как у отца моего не было огнестрельного оружия, охота нас кормила скудно, и мы часто голодали.

В одну из таких голодовок меня отвезли на долбленной лодке в город Средне-Колымск. Там я жил у чужих людей — сначала у русских, а потом у якутских купцов.

Каждый день я возил для хозяев из леса дрова на собаках и носил им воду из реки. Я топил печи, чистил хотон — хлев, кормил собак, чинил собачью упряжь, мял коровьи кожи на подошвы и собачьи шкуры на одежду.

Работал с утра до ночи, спал на полу в кухне, без постели и одеяла, никогда не умывался и совсем не знал белья. Облезлая оленья рубаша и штаны, надетые на голое тело, были единственной моей одеждой в течение многих лет подряд.

Первые хозяева мои, русские купцы, отдали меня по совету православного священника в церковно-приходскую школу.

Священник хотел из меня, туземца, воспитать дьячка для местной церкви, чтобы привлечь и других охотников моего племени к православию.

В школе я научился немногому, потому что плохо понимал по-русски, и был занят до школы и после школы своей обычной работой у хозяев. На уроки я приходил замерзший и усталый после того, как гонял к проруби коров и возил на санках воду хозяевам.

В Средне-Колымске я хорошо узнал, как живут русские поречане и якуты.

Там же я познакомился впервые с чукчами.

Оленьи чукчи приезжали в наш город два раза в год: один раз на праздник в гости, другой раз пригоняли табуны оленей для русского населения города. Каждый раз городские начальники и купцы устраивали чукчам попойку и вели с ними торговлю. В городе, где жило всего около 300 человек, считая мужчин, женщин, стариков и детей, приезд чукоч был всегда большим событием.

Каждому городскому жителю, купцу, чиновнику, казаку, дьячку, доставались от чукоч по меньшей мере одна оленья туша на еду, оленья шкура на одежду, песцовые шкуры для торговли.

Потом, когда я подрос, я стал ездить к чукчам с моими хозяевами — купцами русскими и якутскими. В дороге я был у них каюром — собачьим кучером, разводил для них костер на снегу, кипятил чайники, ставил палатку.

О революции в наших краях узнали поздно — в 1919 — 1920 году.

Потом началась гражданская война. Пришли белые, побыли у нас года два-три. Они отнимали у туземцев пушнину и возили ее в Японию и Америку, кололи наших оленей, забирали парней — якутов, чукоч, тунгусов — в свои войска.

Мой хозяин, купец, стал у белых хорунжим — офицером в «собачьих войсках».

Кавалерия в наших местах состояла из якутских конных отрядов и русских отрядов, ездивших на собачьих нартах.

О гражданской войне на Севере я расскажу во второй части моей книги.

Когда красные выгнали белых из тундры и лесов, я поехал в Якутск. Там я учился в совпартшколе. А потом, после школы, меня послали учиться в Ленинград.

Из Средне-Колымска до Якутска ехал я год через Индигирку, где одиннадцать месяцев просидел в плену у восставших якутских тойонов. А из Якутска в Ленинград ехал месяца два вверх по реке Лене на пароходе, на лодках, на лошадях, и, наконец, от Иркутска на поезде.

В Ленинграде я поступил в университет.

Учеба показалась мне делом трудным, — пожалуй, потруднее всех работ, которыми мне приходилось заниматься в детстве.

Пройдя первый и второй курсы, я захотел побывать дома, на Колыме.

Я поехал на родину в 1927 году. По пути на Колыму я опять встретился с чукчами. Около месяца жил я в чукотских селениях Дежнев и Уэллене, затем я сел на американскую шхуну Свенсона и вместе с экспедицией Дальгосторга побывал во всех чукотских селениях северного побережья, начиная от Уэллена и кончая Чаунской губой и устьем реки Колымы.

На Колыме я пробыл около года и вывез оттуда в 1928 году чукчу Имтеургина на учебу в Ленинград.

В 1931 году, после окончания университета, я стал ас-

пирантом Института Народов Севера и поехал в Чукотию в составе оргкомитета Дальневосточного крайисполкома для организации Чукотского национального округа. Пробыл я там на этот раз семь месяцев: сначала жил в Анадыре, потом выезжал в бухту Креста, в бухту Провидения, в бухту Лаврентия, заезжал и в другие чукотские селения. Затем я побывал у чукоч, которые живут по берегу Анадырского залива и по берегу Берингова моря к югу от Анадыря. Таким образом я побывал почти во всех крупных пунктах Чукотии, ознакомился с жизнью чукоч, как береговых, так и тундренных.

Первая часть моей книги рассказывает о жизни тундренных людей — чукоч Колымского округа — лет за пятнадцать-двадцать до революции. Я описываю жизнь оленевода и охотника Имтеургина старшего — отца главного героя дальнейших частей повести.

Вторая часть книги рассказывает о том, как Имтеургин младший живет в батраках у «собачьих людей» — у русских поречан.

Третья часть — жизнь Имтеургина у «конных людей» — у якутов.

В последних частях я расскажу о революции на севере, о том, как младший Имтеургин попал в Ленинград, как он там учился и как сделался, наконец, одним из строителей советского Севера.

I. ЛУНА В РУБАХУ ОДЕЛАСЬ

Кругом снег лежит. По снегу Имтеургин ходит в штанах из оленьих камусов, в оленьей рубахе, в оленьей шапке. Сторожит оленье стадо. Олени копают снег копытами, щиплют мох. Большие рога над снегом качаются.

Имтеургин захотел сосчитать своих оленей. Он снял рукавицы и стал загибать пальцы. На одного оленя указал и загнул большой палец. Потом на второго указал и загнул другой палец. Все пальцы загнул. Но оленей в стаде было больше, чем пальцев у него на руках.

Имтеургин сел на снег, притянул к себе ногу в мохнатой обуви и пересчитал пальцы ног. Когда сосчитал пальцы на обеих ногах, он провел по снегу палкой и сказал: «Один человек». Но оленей было больше, чем пальцев на руках и на ногах у одного человека. Имтеургин опять сосчитал по пальцам рук и ног, опять провел палкой по снегу и сказал: «Два человека». Но и теперь еще не все олени были сосчитаны. Имтеургин провел палкой полосу, потом еще полосу, потом еще, потом короткую полосу, потом полосу поперек и сказал:

— Три человека, сверху один человек, еще полчеловека да еще лоб, два глаза и нос. Вот сколько у меня оленей.

В это время маленький пестрый олень лег и положил голову на снег. За ним согнул колени другой, тонкобрюхий, и тоже улегся на снегу. Вот легли две молодые важенки и старый седогрудый олень. Имтеургин подбежал к ним, толкнул старого ногой в бок и сказал:

— Нельзя спать! Все замерзнете. Надо снег копать, мох надо есть.

Олени один за другим поднялись и нехотя, с трудом стали разбрасывать копытами снег.

Имтеургин обошел стадо вокруг, поковырял палкой лед под снегом и сказал:

— Крепкий лед. Как вы себе ногти не сломаете?

Сказал и сам испугался. Худое слово — как острое копье, может на оленей беду навести. Имтеургин сел на землю и тоже начал копать снег.

Он разгребал снег руками и кричал:

— Я олень! Я вожак! Я снега не боюсь, обезножья-болезни¹ не боюсь. Вот какой я олень!

Потом посмотрел на оленей и громко сказал:

— Олени мои льда не боятся. У них ногти железные, рога — медные, глаза — огненные. Обезножье-болезнь их боится, близко не подходит, далеко бежит. Вот! Яккаем!

Он вытащил из-за пояса длинный нож, поднял его над головой и закричал еще громче:

— Убью! Забодаяю! Волка заколю, обезножье зарежу, чесотке брюхо распорю! Вот! Лучше уходите, моих оленей не трогайте!

Потом сказал тихо, про себя:

— Теперь я всех духов прогнал.

Имтеургин вынул из-за ворота костяную трубку и закурил табак, для крепости смешанный с сушеным грибом-мухомором. Закашлялся. Плюнул. Посмотрел наверх, на небо — большой красный огонь увидал.

— Это верхние люди костры жгут, — сказал он. — Наверно, греются.

Затянулся табаком, пустил вверх поток дыма. Теперь наверху горел зеленый огонь.

— Как весенний лед, — сказал Имтеургин. — Наверное, те люди с красным огнем прочь укочевали.

Вдруг зеленый огонь быстро побежал по небу. Сделался рыжим, потом опять зеленоватым.

— Совсем как оленья печенка, — подумал Имтеургин и вдруг испугался. Наверное, по небу келе² бегают, разные рубахи надевают.

Когда последний огонь потух, на небо взобралась луна. Она осветила рога и копыта оленей.

— Хорошо, — сказал Имтеургин, вытащил изо рта трубку и спустил ее опять за ворот меховой рубахи. — Вот и брат солнца вышел, его боятся келе, спрятались. А куда спрятались? Наверное, на землю скатились.

Он оглянулся, посмотрел в одну сторону, посмотрел в другую. Нет никого. Кругом снег лежит. Далеко кругом. Даже глаза не могут дойти до края. Луна в белый круг вошла.

— В рубаху оделась, — сказал Имтеургин.

И вдруг снег закрипел, захрустел. Кто-то идет, легко ступает по снегу. Это сын, Кутувья, идет.

— Отец, — сказал Кутувья, — мясо близко ходит. Ыл-вылу!

Отец мотнул головой.

— Откуда идут?

— От Пуп-озера.

— Гони туда стадо скорей! — сказал Имтеургин.

Они погнало стадо по тундре в другую сторону от дома.

Олени шли шагом, останавливались и рыли снег.

Потом опять шли и опять останавливались. Рядом с ними бежали по снегу их черные тени. Вдруг вожак вышел вперед, потянул носом воздух и поставил хвост торчком. Другие олени тоже подняли головы и вдруг быстро поскакали вперед.

Впереди стояли на снегу пять рослых диких оленей. Ноги у них были длинные и тонкие, шерсть светлая, а рога белые и острые. Дикий олень точит рога о деревья, о камни, о лед.

Стадо обступило диких. Самый большой бык захрапел и низко нагнув черную рогатую голову. Самый круп-

ный из диких тоже нагнул голову и уперся ногами в снег.

Тут Имтеургин неслышно подкрался к нему из-за оленей и накинул ему на рога чает — длинный плетеный аркан из оленьей кожи.

Олень заметался, рванулся в одну сторону, в другую и поскакал прямо на человека, который держал аркан. Худо бы пришлось Имтеургину: олень подбросил бы его вверх и втоптал бы в снег копытами.

Но сын Кутувья успел во-время накинуть другой аркан и потянул оленя к себе. Олень встал на дыбы и опрокинулся на спину. Потом вскочил и бросился на Кутувью. Кутувья отступил назад, поскользнулся и повалился на снег под копыта оленя.

— Отец, тяни! — закричал Кутувья.

Имтеургин крепко обмотал руку арканом и дернул со всей силы. Голова оленя повернулась набок, а ноги заскользили по снегу. Имтеургин присел на корточки, выставил вперед одну ногу и еще сильнее натянул аркан. Олень так и поехал к нему задом. А Кутувья уже вскочил, отбежал подалее и тоже натянул свой аркан. Олень теперь стоял на месте, как привязанный, и только раскидывал снег задними ногами. А Имтеургин с Кутувьей медленно подбирались к нему, собирая арканы. И вдруг Имтеургин метнул оленю в бок копье. Олень подскочил, забился и стал медленно валиться на землю. Он упал на бок, раной вверх и задергал ногами.

Оба человека подбежали к оленю и опустились на снег.

— Хорошо упал, — сказал Имтеургин. — Удача будет!

Он выдернул из оленьего бока копье, опустил в рану пальцы и вытряхнул на снег несколько капель крови. Потом прижал губы к ране и начал пить свежую, еще жидкую кровь.

После негопил Кутувья.

Когда оба напились, они заткнули дыру пучком мха. Пускай кровь даром не льется. Потом оттащили убитого

оленья подалше от стада и стали подкрадываться к другим. Четыре диких оленя все еще толкались в стаде, то обнюхиваясь с домашними, то сшибаясь с ними рогами.

Имтеургин и Кутувья снова спрятались за своими оленями и закинули арканы. Отец поймал оленя за рога, сын поймал за ноги. Уронили оленя, кольнули в сердце ножом.

Так убили всех четверых. На кочевых нартах повезли оленьи туши домой. А перед нартами погнали стадо.

Из-под полы шатра вылезла рослая, черно-серая собака. Запрыгала вокруг нарт, стала обнюхивать мясо, слизывать с него кровь.

Подняв облезлую покрыву шатра, вышли, согнувшись, две женщины, одна постарше, другая помоложе, а за ними выскочила маленькая девочка.

Все вместе, мужчины и женщины, поволокли оленьи туши в шатер. В шатре было темно. Старшая женщина полезла в спальный полог³, в самый дальний и низкий конец шатра, и вынесла оттуда светильню⁴, деревянную чашку, полную оленьего жира, из которого торчал горящий пучок мха. Светильню поставили на опрокинутый котел и стали обдирать оленей. Мужчины сняли шкуру, а женщины разрезали кости и мясо. Они резали по суставам, чтобы не рубить кости.

Потом все принялись за еду. Печенки поели, крови попили, ножные кости раскололи, мозг съели.

— Хорошо, — сказал Имтеургин и засмеялся. Все лицо у него было в крови, только зубы были белые.

— Ваырган-дух⁵ мясо дал. Жирное. Поешь, Ваырган-дух!

Отец положил в светильню кусочек мозга. Потом из-за ворота рубахи достал ольховый сучок, раздвоенный с одного конца.

Это и был Ваырган.

У Ваыргана было две ноги, как у человека, а рук и головы не было.

-- Жена, покорми его!

Ваыргана помазали сверху жиром, потом кровью и подержали над огнем. Потом Имтеургин обвязал его ремешком и опустил обратно к себе за ворот. Сказал:

— Спи. У меня на брюхе тепло теперь.

Люди разделись и вошли в полог. Улеглись спать.

Только Кутувья не лег. Он опять взял аркан, копье, надел на ноги короткие лыжи и ушел караулить стадо. Всю ночь караулил. Когда луна зашла и небо стало серое, Кутувья вернулся домой. Руки у него тряслись.

— Волки,— сказал он.— Вокруг нас волки ходят, на оленей смотрят. Худо!

— Худо,— сказал отец.— Убить их надо. Иди скорее. Запряги быка.

Имтеургин надел меховую рубаху, штаны и ременный пояс с ножом. Взял копье, палку, покурил и вышел. У шатра уже толтался беговой олень, запряженный в легкую нарту.

Имтеургин сел на нарту и замахнулся прутом. Олень вытянул шею и поскакал. От копыт его в снегу оставались редкие глубокие ямы. На поворотах рядом с оленьими следами тянулись следы ног Имтеургина.

Вдруг олень замотал рогами и захрапел.

Далеко впереди на белом снегу показались два темных бугорка. Имтеургин привстал на нарте.

Два волка бежали по снежному насту след в след, поджав хвосты. Они оглядывались, ерещили шерсть и коротко, глухо рычали.

Имтеургин погнал оленя на волков, но перепуганный олень метался из стороны в сторону. Имтеургин закричал, собрал в руке вожжи и хлестнул оленя по уху.

Олень так и понесся наперерез волкам. Свистнул аркан. Петля щелкнула у заднего волка на голове. Волк нагнулся, лягнул зубами и прыгнул в сторону. Но петля крепко затянулась у него на шее и потащила его за нартой. Другой волк поднял спину дугой и поскакал прочь.

Имтеургин остановил оленя и собрал аркан. Пощупал волка — мертвый. Голова во все стороны вертится. Имтеургин подержал волчью голову в руках и на всякий случай стукнул по лбу палкой: верно, мертвый. Тогда Имтеургин взвалил волка на нарту и погнал оленя вперед — за другим волком. Но олень только рот раскрыл и закашлялся. Устал, видно. Домой хочет.

— Ну, иди домой, — сказал Имтеургин. — Ночь отдохни, а завтра опять поедем. Арканом не поймали, — утку-чины⁶ поставим.

На другой день утром, когда посерело небо, опять собрался Имтеургин на охоту.

Поехал не торопясь.

Едет и видит на снегу следы. Это кто-то маленький ходил, — снег, будто пальцем, ковырял. Прошел зверек немного, помочился и дальше пошел. Опять помочился.

— Песец, — сказал охотник, остановил оленя и пощупал след — мягкий. Пощупал желтый снег — мокрый еще, не замерз.

Имтеургин вскочил на нарту и погнал оленя быстрее.

Вот он, маленький зверек — песец. Белый весь, на снегу еле виден, а хвост как полено тащится. Имтеургин хотел его стукнуть палкой, но промахнулся. Песец быстро побежал назад. Имтеургин повернул оленя и опять погнался за юрким зверьком. Песец только зубы показал и нырнул в снег.

Имтеургин посмотрел кругом — нет песца нигде. И вдруг три черных точки из снега показались: два глаза и нос. Выскочил песец из супроба, вытянулся весь и как стрела полетел в тундру.

— Га-ка-ка! — закричал охотник со злостью и бросил шапку в снег, потом поднял шапку и пошел назад к оленю.

Нет оленя. Убежал и олень.

— Рассердился Ваьцрган, — сказал охотник: — песца не дал и оленя угнал.

Имтеургин пошел домой пешком, проваливаясь по колено в сугробы. Трудно ходить без лыж по рыхлому снегу. Жарко стало Имтеургину. Он зачерпнул горсть снега, пожевал, вытер снегом лицо. А все еще жарко, — мех к телу пристаёт, колет, кусается. Имтеургин снял пояс и повесил его через плечо. Под рубаху пробрался холодок, — легче стало.

Так шел Имтеургин долго-долго. Луна взошла и спустилась, а он все шел.

— Хоть песца не принес, зато сам до дому добрался, — сказал Имтеургин, увидев свой шатер. Он залез в полог, стащил с себя заледеневшую одежду и улегся на шкуру. Проспал до другой луны. А когда проснулся, спросил:

— Пришел олень с пустой нартой?

— Сразу пришел, как ты уехал, — сказала жена.

— Это хорошо, сегодня опять поеду — уткучины ставить.

Олень за ночь отдохнул. Он ходил с другими оленями, покачивал темными рогами и щипал мох. Имтеургин поймал его арканом и потрепал за мягкое ухо.

— Теперь не уйдешь, — сказал он.

Олень замотал головой.

— Собаку надо взять, — сказал Имтеургин жене. — В тот раз хорошего песца упустил. Сшей собаке лолоквыт⁷, а то она замерзнет.

Жена взяла шкуру выпоротка⁸ и стала прошивать ее толстой иглой. Пока охотник докуривал трубку, женщина кончила шить. Она позвала собаку. Собака была большая, похожая на волка. На брюхе у нее вылезла серая шерсть и краснели шишками соски. Скоро она должна была принести щенят.

Женщина надела собаке меховой набрюшник и стянула его на спине ремешками. Собака пошла по снегу раскачиваясь и хромая. Охотник поднял ее, посадил рядом с собой на нарту и привязал, чтобы не вывалилась.

Олень быстро побежал по твердому убою. Луна стояла немного выше верхушки шатра.

— Светло сегодня, облаков нет, — сказал охотник, оборачиваясь к собаке. — Хорошо следы увидим.

Собака сидела, крепко упираясь передними ногами в нарту и дышала Имтеургину в затылок.

Возле первой ловушки охотник остановил оленя.

Пружина ловушки, скрученная из оленьих сухожилий, ослабла. Песцы съели все наживки и ушли. У другой ловушки костяные зубцы были выпачканы кровью, а зверя тоже не было. Охотник посмотрел на следы: большие, волчьи. Зубцы ударили, видно, волка по голове. Волк стал кружиться — и все в одну сторону.

«Наверно, ему правый глаз вышибло, потому он все вправо вертелся», — подумал Имтеургин. Поехал по следу.

Вот здесь волк прыгнул в сторону, вот он побежал вперед, вернулся и опять завертелся на месте. Имтеургин запутался в следах.

Вдруг собака рванулась и залаяла, а олень дернулся в сторону. Имтеургин посмотрел кругом — что-то темное на снегу вертится.

Он крикнул и погнался оленя.

Темное побежало быстрее. Волк. Нешибко бежит, голову криво держит, все вбок сворачивает. Вот уже он совсем близко скачет, путается в ногах у взбесившегося от страха оленя. Олень его передней ногой стукнул, опрокинул. Прямо по волку нарта проехала, вдавила его в снег.

Посмотрел Имтеургин назад, а волк все шевелится. Второй раз проехала нарта по волку, опять придавила. Имтеургин его еще палкой по голове ударил. Задрожал волк ногами, вытянулся. Охотник поднял его и взвалил на нарту. Собака сначала отодвинулась, зарычала, а потом вцепилась волку в мохнатое ухо.

Поехали домой. На сугробах нарту встряхивало и качало. Мертвый волк болтался из стороны в сторону и мел хвостом и лапами снег.

Вдруг Имтеургин остановил оленя и наклонился над свежим следом.

— Только что пробежал,— сказал Имтеургин. Он схватил собаку и сбросил ее с нарты. Собака поскакала по снегу, но подвязанный под брюхо лолоквыт мешал ей бежать, и она ткнулась носом в сугроб. А из сугроба выскочил песец, длиннохвостый, мохнатый. Песец прижался к земле и вдруг прыгнул на нарту. Имтеургин не успел протянуть руку, как песец, вскочил к нему на плечо и вцепился зубами в ворот рубахи.

Охотник закричал, схватил песца за хвост и оторвал от ворота. Но песец изогнулся и впился в руку охотника. Острые клычки застряли в толстой меховой рукавице.

— Бешеный,— сказал Имтеургин и ударил песца о край нарты. Песец оторвался от рукавицы и полетел в снег. Но налету его поймала собака и разом придушила.

— Погоди, шкуру не рви,— сказал Имтеургин.— За такого зверя нам новый чайник дадут.

Он отнял песца у собаки и положил его на нарту рядом с волком. Потом опять привязал собаку, сел сам и поехал домой.

По тундре легкими тучками летал снег. Луна в круг вошла, белый крест надела.

— В рубаху оделась,— сказал охотник,— значит, метель будет. Хорошо, что дом уже близко. Вот мои олени ходят, а вот мой сын Кутувья стоит.

И будто в ответ на его слова послышался шорох снега, а потом свист.

II. ШАМАН ДЕЛАЕТ ВЕТЕР

— Шаман ветер делает,— сказал Имтеургин сыну. Он остановил оленя и крикнул:

~~Кутувья, как бы на нас шаман не подул, снегом не запылил. Давай оленей, домой погоним.~~

Они вдвоем обошли стадо и, потряхивая арканами, погнали к шатру.

— Хай, хай! — кричали они. Олени бежали спокойно, пока не увидели на снегу что-то большое, темное, внизу широкое, наверху острое. Олени положили рога на спину, поставили хвост сучком и шарахнулись в тундру.

От большого и темного пахло дымом. Это был шатер. За ночь олени его забыли.

С трудом Имтеургин и Кутувья повернули стадо к шатру. Теперь олени ступали осторожно по снегу, поглядывая искоса на шатер.

Впереди шел бык — большой черный олень. Рога у него на голове стояли как сухой куст ольховника. Вдруг он налил глаза кровью, засопел и нацелился длинными рогами прямо в шатер.

— Мей! — закричала из шатра женщина. — Не сердись, старик!

Она выскочила с кожаным ведром в руке. На ней была меховая одежда — рубаха со штанами вместе.

— На, пей! — крикнула она и плеснула в оленя из ведра. В ведре была моча, которую очень любят олени.

Бык стал жадно облизываться. Другие олени подбежали к нему, сбились в кучу и стали облизывать то быка, то желтый дымящийся снег.

Пока они топтались на месте, Имтеургин с Кутувьей оттащили за ноги тонкобрюхого оленя, ухватили его за рога и закололи.

Потом поймали и убили еще двух оленей.

— Отец, — сказал Кутувья, — может быть, хватит мяса на этот ветер?

— Кто знает, — сказал отец и задумался. — Теперь месяц Упрямого Старого Быка. Потом будет месяц Узкого Мяса. Долго будет дуть ветер.

Он еще подумал и сказал:

— В прошлый снег⁹ убили пять оленей. Мало было. Голодали. Давай еще.

Убили еще одного оленя.

— Довольно? — спросил сын.

Отец посмотрел на оленей, на их рога, которые тряслись, когда они щипали мох, на короткие мохнатые хвосты. Ему стало жалко оленей, и он покачал головой.

— Да, — сказал он, — довольно.

Тут дунул сильный ветер со стороны ночи, сорвал кожаную крышу шатра, завертел ее, затрепал и бросил на снег. Женщины погнались за ней, поймали и, накинув на косую перекладину шатра, обтянули ремнями.

Концы ремней привязали к оленьим рогам, которые торчали из снега вокруг шатра.

— Крепко, — сказал Имтеургин, когда женщины кончили работу. — Теперь не сорвет.

Ветер носил тучи снега по всей тундре, обдавал ледяной пылью людей и оленей, залеплял им глаза, перехватывал дух. Люди вползли в шатер и придавили его полы изнутри тяжелыми тушами убитых оленей, чтобы не вздувало кожаные стены ветром.

Внутри шатра была йоронга — меховой спальный полог. Люди спустили с себя одежду и вошли туда.

Пять человек влезли в йоронгу: отец, мать, маленькая дочь и сын с женой. Они уселись на постелях из оленьих шкур вокруг светильни.

Над светильней висел медный чайник с помятыми боками и с жестяной заплатой на месте носика. Чайник был набит до самого верха снегом, и люди ждали, когда снег растопится, чтобы можно было пить.

Головами они упирались в меховой потолок и сидели кружком, голые, тесно прижимаясь друг к другу. Посредине, между ними стояла деревянная чашка. Они запустили туда костяные ложки и хлебали оленью кровь с мелко нарезанной сырой печенкой и почками.

В стенки и в потолок стучал снег. Мерзлая кожа шатра тряслась и гремела на ветру.

— А собака? — спросила девочка.

— Впусти.— сказал Имтеургин.

Девочка приподняла край полога. Собака сейчас же приползла и легла рядом с людьми.

— У-у, весь в снегу,— сказала девочка и ложкой, которой хлебала оленью кровь, соскребла с мохнатой собаки снег. Потом облизала ложку и опять стала есть.

Пока грелся чайник, Имтеургин лег на олений мех и заснул. Вдруг он заворочался на постели, замахал руками, забормотал что-то. Девочка тихонько сказала:

— Отцу надо помочь. Он с ветром дерется.

Она обхватила руками шею собаки и ткнула ее носом в самые ноги Имтеургиному.

— Помоги отцу! Он с ветром дерется.

Собака понюхала ноги и отодрала зубами от пятки засохшую корку грязи.

Имтеургин дернул ногой и присел.

— Ха!— вздохнул он.— Страшный сон я увидел.

Девочка посмотрела на него сбоку и прижалась к матери. Отец закурил трубку, закашлялся и начал рассказывать:

— Пошел я в лес, хотел найти жерди, чтобы сушить на них мясо. Выбрал тонкое дерево, без сучков. Как раз такое для треноги годится. Пригнул дерево, а резать нечем — нож и топор дома оставил. Забыл. Стал я тянуть руками, чтобы оторвать дерево от земли. Дерево крепко стоит, не хочет оторваться от земли. Я силу всю кончил, устал. Сел на землю. Смотрю, нет ли другого тонкого дерева. Нет тонких — все толстые кругом. А за одним — вижу — старик сидит, лапу сосет — медведь. Испугался я. На землю брюхом лег. Кусты стоят, мне руки и лицо царапают, я между кустами ползу.

«Кочки сидят на воде, я между кочками ползу. Ниже кочек пригибаюсь, весь в воде, только голова наверху. Медведь не узнает, кочка или голова», — думаю.

А сам все дальше ползу.

Ну, значит ушел от старика.

Встал я и назад посмотрел, а сам за деревьями прячусь. Вдруг треснула передо мной ветка. У, беда!— медведь на меня спереди идет. Рыжий весь, прямо как огонь горит. Сам тощий, кишки высохли, брюхо к хребту прилипло.

«Ой, съест!»

Я за дерево, медведь на меня. Лапой ударил, под себя подвалил. Хорошо, что я проснулся.

— Ой, страшно!— сказал Кутувья.— Если бы я знал, я бы тебе копьё или топор в руки дал.

— Жалко, что не дал,— сказал Имтеургин и ребром ладони соскреб с лица пот.

— Ты копьё с собой клади, когда опять спать будешь,— сказала девочка.

— Ты верно говоришь, Тынатваль. Так и буду делать.

Хозяйка разостлала на полу пернчью шкуру, на нее положила доску, на доске расставила посуду — пять деревянных чашек. Потом налила в чашки тепловатую воду. На закуску подала мороженые куски мяса. Люди ели и запивали мясо теплой водой. Тынатваль взяла большой кусок и повернулась, чтобы дать его собаке, которая лежала у нее за спиной. Вдруг она закричала:

— Мать, отец! Маленькие собачки пришли.

Девочка взяла что-то обеими руками и протянула отцу.

— Каккуме!— удивился отец.— Совсем как собака.

Он погладил ладонью только что родившегося щенка, потом вытер его о меховую подушку и передал жене.

— Покорми гостя!

Но щенок ничего не ел, а только пищал. Хозяйка положила его к собаке.

Прошла ночь. Люди выспались и встали. У собаки было уже четыре щенка.

— Вот,— сказал отец,— надо узнать, которые из них жить будут.

Имтеургин с сыном выползли из полога, надели холодные и колючие меховые штаны и рубахи и попробовали выйти наружу. Но стенки шатра не подымались. Снег засыпал шатер до самой верхушки — плотно навалился на него со всех сторон.

— О-о,— сказал сын,— тяжело придавил. Много снегу нанес ветер.

— Да,— сказал отец.— Много. Давай сюда снегу нагребать.

Когда в шатре вырос снежный сугроб, отец принес из полога всех четырех щенят и одного за другим сунул глубоко в снег. Щенята только пискнули и пропали в рыхлой куче.

Из полога вылезли женщины и, нагнувшись, смотрели на снег.

— Почему они не вылезают?— спросила Тынатваль.

И вдруг, разгребая снег носом и передними лапками, показался сперва один, а потом и другой щенок. Девочка подобрала обоих и, чтобы согреть, спустила к себе за ворот рубахи.

— В-в,— затряслась она,— холодные.

Остальные два щенка так и не вылезли. Люди сидели до тех пор, пока мех на рубахе у подбородка не покрылся от дыхания инеем.

— Видно, ушли,— сказал отец.

— Да,— сказал сын,— умерли.

Они разгребли снег и вытащили оттуда два белых кома. Это были облепленные снегом и заочневшие щенята. Кутувья смахнул с них рукавом снег и сказал:

— Ноги как палки стали и хвост тоже как палка, а нос побелел. Замерзли.

Хозяйка вынесла из полога мясо, разрежала его на тонкие, как тряпочки, ломтики и завернула в них головы мертвых щенят.

— Назад домой идите, по дороге мяса поешьте,— сказал Имтеургин, наклонившись над мертвыми щенятами.—

А когда большие вырастете, опять приходите к нам, жить помогайте. Вот!

Потом отец с сыном сунули щенят за полу шатра в снег, а сами опять полезли в полог.

III. ЛЮДИ В СНЕГУ

— Кух,— сказал Имтеургин жене,— нам ремни нужны, скоро кочевать будем, надо постель вязать.

Женщина достала большой и широкий лоскут лахтажьюй кожи¹⁰.

— Может быть, это порежем на ремни?

Человек повертел лоскут в руках и сказал:

— Хорошие ремни выйдут. Только вот шерсть надо снять.

Он потеревил шерсть, попробовал выдернуть несколько волосков зубами, но щетина сидела крепко.

Тогда он сказал жене:

— В ведро надо положить.

Женщина опустила свернутый в трубку лоскут в кожаное ведро с мочой, которое стояло в углу полога.

Трое суток мокла кожа в ведре. Каждый день Имтеургин вылавливал палкой лоскут и пробовал, не лезет ли шерсть. На четвертые сутки кожа размякла, и щетина стала выпадать.

— Лезет,— сказал Имтеургин и весело закивал головою. Он разостлал кожу на постели и стал вместе с сыном резать из нее ремень шириною с палец. Обе женщины подсели к ним и принялись выщипывать из кожи прогнившую щетину. Они долго мяли ремень руками, а когда натерли на руках мозоли, стали жевать ремень, выдергивая щетину зубами.

Когда работа была кончена, все легли спать, а старшая из женщин, Кух, села в углу полога и, придвинув к себе светильню, стала шить из шкуры одежду для ребенка.

Она шила нитками, скрученными из оленьих сухожилий, крепко затягивая швы. Шила и пела песню:

Голова медвежья.
Зубы волчьи.
Шкура оленья,
Ноги собачьи.

Это она пела про ребенка, которого ждала.

Вдруг женщина заметалась и бросила шить. Тяжело дыша, она легла на шкуру и сказала Имтеургину:

— Надо огонь потушить. Новый человек у нас скоро будет.

Имтеургин потушил огонь, чтобы злые духи не увидели ребенка, когда он родится, и выскочил из полога. На стенке шатра висела связка костей, перьев, лоскутьев шерсти и кожи. Он схватил ее, потряс над головой и стал быстро кружиться на месте, выкрикивая:

— Мое сердце прыгнуло! Драться хочет! Убивать хочет! Мы сильнее всех! Уходите прочь, все злые духи, все келе-духи. У меня сердце стукнуло, убивать хочет!

Имтеургин высоко прыгал и кричал во все горло, ревел по-медвежьи, выл по-волчьи, лаял по-лиси и каркал как ворон. Это он пугал злых духов, отгонял их от шатра, чтобы они не испортили ребенка, который родится там, в темном пологе.

Сын его Кутувья тоже вышел в шатер и застучал сковородкой. Он помогал отцу выгонять злых духов из шатра.

Они оба так громко кричали, что не сразу слышали, как запищал ребенок.

— Сын или дочь? — спросил Имтеургин, наклоняясь к пологу.

— Сын, — ответила Кух из полога.

Отец опять запрыгал, потряхивая перьями и костями. С ним вместе закружился Кутувья.

Потом Имтеургин уселся перед пологом и начал пере-

бирать связку: волчьи зубы, медвежье ухо, нос росомахи, хвост песца, когти ворона¹¹.

Он протягивал в темноту то зуб, то коготь, чтобы духи не посмели даже подойти к шатру.

Над шатром шумел ветер, пересыпая снег, а Имтеургин думал, что это целая толпа духов царапает кожаные стенки.

В это время женщина приоткрыла полог и подала отцу ребенка. Отец взял мальчика обеими руками, ткнул его в одну сторону, в другую, в третью и закричал:

— Вот мое копье! Вот мой топор! Вот мой нож! Всех убью! Уходите, келе!

Кух тоже вышла в шатер и надела меховую рубаху, сшитую вместе со штанами. Она достала из мехового мешка деревянное сверло и стала буравить тонкую, с ямкой посредине, дощечку. Это она добывала огонь. Волосы у женщины стали белые от инея, а от ее голой шеи и груди пошел пар. Долго-долго она вертела сверло, крепко вдавливая его в дощечку. И вот кончик сверла задымился.

Женщина быстро бросила на дощечку кусочек сухого мха и стала дуть. Когда мох загорелся, она осторожно внесла его в полог и зажгла светильню.

— Новый огонь загорелся, — сказала она.

— Новый огонь начался, — сказал отец, и только тогда вошел с ребенком из шатра в полог.

Молодая женщина, жена Кутувьи, набила снегом котел и повесила его над светильней. Потом, пока мать кормила ребенка, она внесла из шатра мороженые олени бока, разрубила их на части и положила на нерпичью шкуру.

Люди поели мяса в честь новорожденного и стали советоваться, какое имя дать ребенку.

— Пускай будет Чайгуыртын, по имени дедушки, — сказала Рультына, жена Кутувьи.

— Нет, — сказала Тышатваль. — пускай называется Экуртын.

— Пусть будет как отец — Имтеургин, — сказал Кутувья.

— Верно, — сказал отец. — У меня хорошее имя. Оно мне давало удачу — олени у меня есть, огонь есть, жена у огня сидит, дети мне помогают.

Мальчика называли Имтеургин.

На другой день Имтеургин старший спросил жену:

— Сварились языки?

— Нет, — сказала Кух. — Рультына варила всю ночь, а мясо все еще сырое. Огонь маленький.

Кух выловила из котла олени языки и положила их на нерпичью шкуру. Имтеургин взял самый крупный язык, и, ухватив зубами за кожу, отрезал его острым ножом у самых губ.

Кровавый сок потек у него по пальцам к локтю.

— Да, сырое, — сказал Имтеургин и, облизывая руки, стал есть.

Другие тоже принялись за еду. В пологе было слышно только, как люди жуют.

После еды Кух и Рультына налили каждому в чашку красноватый настой из стеблей шиповника. Чашки были глиняные, раскрашенные в яркие цвета. Их привезли когда-то далекие соседи. Много раз эти чашки трескались и даже разбивались на куски. Но хозяйка туго стягивала их ремешками, а щели замазывали грязью.

— Чайник маленький, — сказала Рультына. — Чаю мало осталось.

— Долей из котла, — сказала Кух.

Рультына наполнила чайник густым наваром от олениных языков и разлила мутную жидкость в чашки.

Кутувья сморщился и тряхнул головой.

— Вода совсем сердитая стала. Горькая. Налей мне еще!

Когда все напились, Имтеургин закурил трубку и сказал:

— Старину расскажу, слушайте.

Кутувья и женщины уселись и улеглись поудобнее. Кух дала ребенку грудь, чтобы он не мешал слушать.

Имтеургин поплевал на руки, как перед работой, потом покашлял и начал рассказ:

— Одна женщина с тремя детьми была. Она сказала: «Ну-ка, в тундру пойду, ягод соберу».

Пошла. Ягоды собирает. Вдруг слышит:

«Эй, иди сюда!»

Она обернулась. Видит — келе стоит, большой, мощнатый. Испугалась женщина.

«Сколько твоих рождений?» — спрашивает келе.

«Трое», — говорит женщина.

«Мужа твоего как имя?»

«Мой муж Каканка».

«Ну, вернись домой», — говорит келе.

Пришла женщина домой. Мужу сказала:

«Келе в той стороне ходит».

Только сказала, вдруг громкий голос:

«Каканкины дети выросли?»

«Охо, это келе кричит, — сказал муж. — Ну-ка, я ножки поточу».

Голос близко подошел. Запел:

«Ах! Ах! Каканкины дети большие выросли! Вот ихней печенки поем!»

К самому дому голос подошел:

«Каканка?»

«А?»

«Давай одного ребенка!»

«Не дам!»

«Ну, так пусть я тебя съем!»

Келе рот разинул и весь шатер с людьми проглотил. Проглотил и говорит:

«Га-га! Все-таки я всех вас съел!»

«Пускай съел, — говорит Каканка из брюха келе, — на здесь хорошо жить. Тепло».

«Вот вы как?— сказал келе.— Ну, так я вас из себя выгону».

Нагнулся келе и выплюнул шатер вместе с людьми.

А Каканка, когда вылезал, вытащил из-за пояса острый ножик и горло келе порезал.

«Ох, ох! Горло заболело!..— кричит келе.— Давай-ка мне ребенка поскорее. Я себе горло его жиром помажу.»

Каканка ведро с мочой наружу выставил.

«Вот тебе,— говорит,— ребенок».

Келе обрадовался, проглотил ведро, а потом говорит:

«Ты меня, Каканка, обманул!»

А Каканка смеется:

«Хо-хо! Пускай!»

Рассердился келе, кричит:

«Я к вам в полог залезу!»

«Залезай»,— говорит Каканка. Только нос один келе в шатер просунул, а голова его не влезла. Тогда он язык вытянул, шарит языком, людей ищет.

А Каканка взял огонь и опалил ему язык.

«Ох, ох! Я обжечся!»— кричит келе. Потом заплакал и говорит:

«Пускай я посплю, устал».

Келе лег у шатра и заснул.

А Каканка костер разложил вокруг келе, большой костер разложил.

Воет келе во сне, кричит худым голосом:

«У, жарко! Погасите огонь!».

«Погоди!— говорит Каканка.— Открой рот! Я тебе туда ребенка кину».

Келе рот разинул, ждет.

«Закрой глаза!»— говорит Каканка.

Келе глаза зажмурил. Тут Каканка с костра полено взял, келе в рот засунул.

«Ах, ах! Я рот обжег!»— заплакал келе и говорит:— Зачем ты смеешься надо мной?»

«Потому смеюсь, что я тебя убил!»

«Как убил? Я ведь еще живой. Вот я съем тебя!»

«Нет,— сказал Каканка,— ты мертвый. Иди к морю».

Келе идет по тундре к морю и плачет:

«Каканка меня убил, Каканка меня убил. Как я теперь детские печенки есть буду?»¹²

— Все!— крикнул Имтеургин и вскочил с места.— Я ветер отрезал!— закричал он еще громче.

Все наклонили головы и стали прислушиваться, утих ли ветер. Но ветер по-прежнему стучал в покрыву.

Имтеургин покачал головой и сел на свое место.

— Не отрезался ветер¹³— печально сказал он.— Не таким, наверно, я голосом крикнул.

Много раз семья укладывалась спать и поднималась снова с тех пор, как началась метель.

Много сказок рассказал отец, а ветер все не утихал.

Один раз проснулся Имтеургин. Темно было в пологу. Он разбудил жену.

— Дай огонь, курить хочу.

— Нет огня,— сказала Кух,— жир весь кончился.

Проснулся ребенок, заплакал. Проснулась Тынатваль, тоже заплакала.

За шатром громко кричал ветер. Он навалил на шатер гору снега. Шатер пригнулся, придавил полог, людям стало тесно и душно. Имтеургин хотел сесть, но стукнулся головою о потолок полога.

— Ох! Йоронга наша совсем низко упала. Что делать?— сказал он.

Никто ему не ответил.

Тогда он тихо выскользнул из полога, оделся и, перекинув через плечо связку с когтями и зубами зверей, приподнял полу шатра. Он хотел было высунуть руку, но за шатром была твердая стена снега. Тогда он лег на брюхо и начала рыть в стене дыру, загребая снег внутрь шатра. В эту дыру он просунул голову и пробуравил снег, как горноста́й.

Вынырнул из снега в двух шагах от шатра. В лицо ему ударила метель. Он хотел снять с плеча связку, но ветер сбил его с ног и покатило по сугробам прочь от шатра. Имтеургин с трудом повернулся навстречу ветру, пополз назад, хватаясь руками за снег, и сунул ноги в дыру, которую только что сам вырыл.

Дыру еще не успело засыпать снегом. Имтеургин провалился вниз и снова вполз в шатер. Там он присел на корточки, сжал в руке когти ворона из связки и забормотал:

— Ворон, лети, на ветрового шамана садись, глаза выколи, голову пробей, мозг съешь!

Но слова не помогали — ветер не переставал шуметь и прохотать над шаром. Тогда Имтеургин выставил волчьи зубы и закричал еще громче:

— Волк, беги, ветровому ноги отъешь! Горло ему перекуси, пускай не дует на нас.

Но ветер шумел так сильно, что Имтеургин не слышал сам себя. Он перевел дух и схватился руками за медвежью лапу на связке.

— Медведь-старик, — опять закричал он, — ветрового задави, сердце его съешь, пускай не дует на нас, ветра не делает!

Но и медвежья лапа не помогла. Имтеургин отряхнулся от снега как собака и, войдя в полог, сказал:

— Ветер сразу со всех сторон дует, — не перестает. Худо! — Он покачал головою и зарылся в меховую постель.

— Холодно мне! — вдруг закричала Тынатваль и заплакала. Кругом снег!

Кух пошарила рукой по углам полога и сказала:

— Постель снегом покрылась. — Она взяла маленького Имтеургина и положила к себе на живот, а потом придвинула поближе девочку. Тынатваль опять задремала.

Вдруг сверху закапала вода.

Кутувья пощупал потолок.

— Полог ишем оброс,— сказал он,— надо выколачивать.

Люди вышли в наружный шатер и натянули на себя холодную одежду. Потом взяли колотушки из оленьих рогов и принялись сбивать иней с полога и постели.

Когда иней осыпался, люди повесили шкуры на ремни, протянутые через весь шатер, а сами сели на кучи старой одежды.

В шатре было очень холодно. Люди прятали лица в меховые воротники, но воротники скоро покрылись инеем и обледенели.

— Мама,— заплакала Тынатваль,— мне кто-то за ворот снег кладет.

— Ох, беда!— испугалась мать.— Кто это к нам в шатер забрался?

— Это снег с воротника сам на спину падает,— сказал из темноты Имтеургин.— Снегу тоже хочется погреться.

— Поесть бы,— сказал с другого конца шатра Кутувья.

— Нету ничего,— ответила мать,— мясо кончилось.

Все замолчали, только ветер сопел, загоняя в щели мороз.

— Ну, давайте полог ставить!— сказал наконец голос отца.— Холодно!

— Нельзя ставить,— сказала Кух.— Полог опять льдом покрылся, будто его водой облили.

Все пощупали полог. Край его сделался твердым как дерево.

— Даже не гнется,— сказала Рультына.— Что будем делать?

Все задумались. Только слышно было, как Тынатваль сосет свои озябшие пальцы.

— Опять выколачивать надо,— сказал Кутувья.

— Нет!— сказал Имтеургин.— Надо в снег за шатром закопать. В снегу скорее оттает.

Обледенелые шкуры затолкали в снег.

— Пальцам больно! — заплакала Тынатваль.

— Иди ко мне! — позвал ее отец. Он раздел девочку и посадил ее к себе под меховую рубаху.

Девочка притихла, но скоро заерзала под отцовской рубахой и закричала:

— Ой, дышать худо!

Отец приподнял рубаху. Тынатваль высунула голову из-под его полы, как лисичка из норки, и вздохнула. Так она и задремала.

Отец тоже скоро заснул. Его разбудил сын Кутувья.

— Потрогай, — сказал он. — Можно теперь полог ставить?

Имтеургин порылся в снегу, пощупал шкуры и сказал:

— Нет, еще не оттаяло.

Долго сидели и дремали люди, уткнув лица в воротники.

Прожыпались, стряхивали иней с рубах и опять сидели. И так до тех пор, пока обледенелые шкуры, закопанные в снег, не оттаяли. Теперь лед собрался в длинные сосульки и висел на меху, как оленьи уши. Люди отбили сосульки, счистили со шкур мелкие льдинки и опять натянули полог.

— Ложитесь спать поскорее, — сказала Кух. — А то темно и есть сильно хочется.

Все улеглись и тесно прижались друг к другу.

IV. ЧУЖОЙ ДОМ

Имтеургин лежал с края, у жесткой от инея стенки полога, и холод пробрал его раньше всех. Он хотел отодвинуться от стенки и вдруг громко закричал:

— Пусти! Кто меня за волосы держит?

Все проснулись, кроме детей. Женщины так испугались, что не могли пошевелиться.

Кутувья тихо спросил:

— Кого ты убиваешь, отец? Может, помочь тебе?

— Нет, у меня голова примерзла к стенке,— сказал Имтеургин и застонал.

Кутувья и Кух нащупали в темноте голову Имтеургина и стали вдвоем отдиирать его длинные волосы от полога. Имтеургин кряхтел от боли.

— Тихо лежи,— сказала ему Кух,— сына разбудишь.

Он замолчал, потряс головой, потрогал ее руками.

— Волосы совсем маленькие стали,— сказал он.

Потом потрогал себя за уши и сказал:

— Уши тоже, верно, отморозил. Кутувья, ты слышишь ветер? Мои уши теперь ничего не слышат.

Кутувья прислушался, но в это время громко запищал ребенок.

— Ага!— обрадовался Имтеургин,— у меня уши согрелись. Я слышу, как ребенок плачет.

— Верно, плачет,— сказал Кутувья.— Оба уха мои криком заткнул, даже ветра наверху не слышно.

Все притихли и прислушались: ничего не было слышно кругом, только ребенок плакал.

— Не плачь!— сказал Имтеургин.— Слушай тоже!

Опять все притихли, опять слушают. Ничего не слышно, только ребенок кричит.

Имтеургин пошарил рукой по шкуре. Нащупал ребенка и закрыл ему рот ладонью.

— Теперь слушайте!— сказал он.

Ребенок забил по шкуре ногами.

— Ноги ему придави,— сказал Кутувья,— он ногами шумит, слушать не дает.

Имтеургин придержал ладонью ноги ребенка. Но тут проснулась Тынатваль и тоже громко заплакала.

— У, какие большеротые!— сказал Имтеургин и снял руки с ребенка.— Выйдем, Кутувья.

Имтеургин вместе с сыном выползли из полога и повертели головой направо и налево. Тихо было в шатре.

Кух сунула ребенку грудь, а Рутьина прижала к себе Тынатваль, чтобы они не мешали слушать, и тоже высунулась в шатер.

— Шумит? — спросили они у мужчин тихо.

— Нет, не шумит, — сказал Имтеургин. — Конец ветру! Жить будем!

Женщины выскочили в холодный шатер с детьми на руках и запрыгали.

— Конец ветру! Мясо будет! Жить будем!

— Отец, — закричала Тынатваль, — мне печенку принеси, мозгу принеси, — есть хочу!

— Принесу, — сказал Имтеургин. — Вот оленей пригоним, тогда и печенка будет, и мозг будет, все будет.

Он приподнял полу шатра, и, разгребая мохнатыми рукавицами снег, стал выкапываться наружу. Вылез на тундру. Темно и тихо кругом. Имтеургин глотнул свежего воздуха, зашатался и упал в снег.

Вслед за ним выполз из шатра Кутувья.

— Отец! Где ты? — закричал он.

Отец не отвечал. Кутувья испугался, повертел головою во все стороны, нагнулся, чтобы рассмотреть следы. Но ничего не было видно.

— Кутувья! — раздался вдруг голос откуда-то снизу. Кутувья стал шарить руками по снегу.

— Отец! Где ты?

— Тут я! А ты где?

Кутувья побежал на голос, но вдруг наткнулся на кого-то и упал.

— Кто тут лежит? — закричал Кутувья.

— Это я, — сказал Имтеургин.

Он протянул Кутувье руку и помог ему выбраться из супроба.

— Как ты потерялся? — спросил Кутувья.

— Вот как это было, — сказал Имтеургин. — Я вышел из шатра и стал сильно дышать. Вдруг снег зашатался, и я тоже. Наверно, это келе землю трясли.

Имтеургин с Кутувьей встали и потоптались на месте, чтоб узнать, глубокий ли снег.

— Мы не потеряемся?— спросил Кутувья.— Темно — я даже своих ног не вижу.

Имтеургин ничего ему не ответил, только стал разматывать длинный аркан. Один конец он привязал к своему поясу, другой дал сыну.

— Привяжись!

Кутувья обмотал вокруг себя конец аркана. Они оба попробовали, крепко ли завязано, и вместе пошли от шатра по снежным гребням.

— А как же мы оленей найдем?— спросил Кутувья.

— Походим,— ответил отец,— может, они где-то близко.

— Худо идти, отец. Темно. Может, подождем света, тогда искать будем?

— Нет, все равно искать надо. Пока сила есть, надо искать. Может, найдем.

Много раз они останавливались, много раз ложились на снег отдыхать и старались услышать пощелкивание оленьих копыт и хруст снега.

Но тихо было в тундре, только снег скрипел под ногами, и шуршало дыхание на морозе.

— Куда же ушли олени?— сказал Имтеургин.— Пока дул ветер, они лежали, а после ветра им надо мох есть. Они голодные.

— Отец!— сказал вдруг Кутувья.— собака кричит!

— Где?

Имтеургин шапку снял, чтобы не мешала слушать.

— Верно,— сказал он.— Собака кричит. Человек, должно быть, живет. Чужой.

— Может, пойдем?— спросил Кутувья.

— Не знаю,— ответил Имтеургин,— какой он человек. Не так далеко от нас остановился, а к нам не зашел. Должно быть, худо про нас думал. Как мы пойдем к нему?

— Может, мы у него про оленей спросим, — сказал Кутувья.

Имтеургин помолчал, прислушался, помял ногами снег и сказал:

— Давай, пойдём.

В это время в небе поднялся белый столб огня. Вспыхнул и пропал. Потом небо загорелось со всех сторон красными, синими, зелеными огнями. Огни гонялись друг за другом, смешивались, пропадали, опять появлялись и разгорались сильнее. Снег тоже играл разными цветами и будто шевелился.

Имтеургин и Кутувья зажмурились. Глаза у них отвыкли от света.

Потом они огляделись вокруг и увидели на том месте, где лежала зеленая полоса света, высокий бугор.

— Это их шатер, — его, видно, тоже снегом занесло, — сказал Имтеургин. Отец с сыном обошли вокруг бугра, потоптались на месте, еще раз обошли. Кутувья, чуть слышно ступая, взобрался на вершучку и прислушался: выше лаяла собака.

— Как войдем? — спросил Кутувья.

— Копать надо, — сказал отец.

Он лег на брюхо и стал рыть руками снег. Скоро он выкопал глубокую яму и полез в нее головой вперед.

Кутувья стоял и смотрел, как отец закапывался в снег. Вот пропали в снегу голова и руки, вот провалились плечи. Вот уже остались одни ноги в сапогах из черных оленьих камусов. Потом и ноги уползли. Отец весь ушел в снег.

Вдруг ноги опять показались наружу. Имтеургин пятился назад. Он был весь белый, — голова, руки, лицо — все облеплено снегом.

— Отчего назад вылез, отец? — спросил Кутувья.

Имтеургин потряс головою и смахнул рукавицами с лица снег. Потом сказал:

— Не туда попал. Вот здесь рыть надо.

Он два раза шагнул и топнул ногой на том месте, где нужно было рыть.

Кутувья лег на брюхо и стал выгребать мягкий снег. Скоро он вырыл большую дыру и нырнул в нее головою вперед. За ним следом полез и отец. Под снегом Кутувья нащупал затвердевшую кожаную полу шатра и стал дергать ее изо всех сил. Пола приподнялась, и они оба на четвереньках вползли в темный шатер.

В пологу заворчала собака. Отец и сын прижались к стенке.

Вдруг рука Имтеургина нащупала висевшую на стене связку когтей, зубов и перьев.

Имтеургин схватил сына за рукав и шепнул:

— Наша связка. Почему она в чужой дом пришла?

Кутувья прижался к отцу и сказал:

— И мои старые штаны здесь висят!

Тут из полога вышел какой-то человек. Под ногами у него тихонько захрустела мерзлая кожа.

Наверно, человек стал набивать снегом чайник. Он стучал крышкой, шуршал снегом.

— Какие люди тут шатром живут? — спросил Имтеургин.

— Это мы живем, — сказал женский голос.

Имтеургин толкнул Кутувью в бок и сказал шепотом:

— Как будто это Рультына, голос у нее такой же тонкий.

— Нет, — сказал Кутувья тоже шепотом, — моя жена дома осталась. Это келе.

— Оленей нашли? — спросила женщина.

— Ищем, — ответил Имтеургин. — Около нашего шатра их нет. Может, вы видали?

— Мы еще из дому не выходили, — сказала женщина. — Как нам их увидеть?

— Пойдем отсюда, отец, — прошептал Кутувья и стал пятиться к выходу.

— Пойдем, — сказал Имтеургин.

— Куда идете? — спросила женщина и схватила Кутувью за руку.

— Пусти! — закричал Кутувья.

В это время из полога выбежал кто-то и закричал:

— Отец, печенку принес?

Имтеургин засмеялся и сказал:

— Завтра принесу. А теперь нам погреться надо. Пойдем в полог, Кутувья. Это наш дом.

Кутувья стал медленно стаскивать через голову меховую рубаху.

— Отец, — тихо спросил он из-под рубахи, — как мы сюда пришли? Ведь мы уже далеко от дома были.

— Наверно, дом за нами пришел, — сказал отец и залез в полог.

Он тихонько улегся на меховой постели, чтобы не разбудить Кух и ребенка. А когда рядом с ним лег Кутувья, он наклонился к его уху и сказал шепотом:

— Завтра посмотрим. Может, наш дом там остался.

V. СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Там далеко спускается на снег что-то темное. Это небо. А на небе дырки, насквозь светятся, это — звезды. Между звездами большое белое ходит, это — луна.

— А куда же солнце ушло? — спросил Кутувья.

— Солнце на верхней земле в черном шатре спит, — ответил Имтеургин. — Оно скоро проснется, тогда свету много будет, птица прилетит.

Так разговаривая, шли Имтеургин с сыном Кутувьей искать оленей.

— Кутувья, — сказал отец, — давай посмотрим, откуда мы вчера пришли домой.

Они свернули в сторону и пошли по вчерашним своим следам. Следы начинались от дома, кружили по снегу и возвращались назад к дому.

— Видно, мы вчера с тобой все кругом да кругом ходили, как зайцы, — сказал Имтеургин и засмеялся.

Кутувья вспомнил, как он вчера испугался, и ему тоже стало смешно. Но вдруг он схватил отца за руку.

— Отец, — сказал он, — кто-то черный по снегу бегает.
— Где?

Имтеургин повертел головою во все стороны и сказал:

— Смотри хорошенько, — может, олени ходят.

— Вон один побежал! — закричал Кутувья. — Смотри! — Такой длинный, внизу толстый, наверху тонкий и как будто мохнатый.

Имтеургин вытаращил глаза, но ничего не увидел.

— К нам бежит? — спросил он сына.

— Нет, — сказал Кутувья. — Он бежит, куда мои глаза смотрят.

Имтеургин поглядел на сына и сказал:

— У тебя на глазах лед висит. Может, ты лед видишь?

Кутувья снял с ресниц и с бровей сосульки льда, посмотрел вокруг и сказал:

— Может, это у меня к шерсти на глазах лед пристаёт, а может и келе тут ходит, а только теперь я больше ничего не вижу.

Долго отец с сыном бродили по тундре, сворачивали то в одну сторону, то в другую, но нигде не находили даже царапины на снегу. Снег лежал ровный, чистый, гладко облизанный ветром.

Имтеургин присел на корточки и сказал:

— Должно быть, конец жизни пришел. Как будем жить без оленей?

— Может быть, к соседу Каравье за мясом пойдем? — спросил Кутувья.

— Каравья сидит шатром в той стороне, — указал рукой Имтеургин. — Два раза спать будем, пока дойдем.

Они опять поднялись и зашагали. Вдруг Кутувья крикнул:

— Олени ходили!

Проваливаясь по колено в снег, Имтеургин подбежал к сыну и наклонился.

— Наши! — сказал он. — Тут Большой Рог ходил, он всегда рогами снег ломает.

Имтеургин снял шапку и пошел по оленьему следу.

— А вот Кривая Нога ходила. Смотри: одну ногу вбок ставила. А тут она мох копала. — Имтеургин показал на большую яму в снегу. — А тут вот мочилась Пестрая Лапа, — она боится ноги замочить; широко их расставляет.

— Теперь мы жить будем. Видно, олени недавно прошли.

Имтеургин и Кутувья бегали по следам, хватали руками развороченный копытами снег и комья оленьего помета. И вдруг оба остановились.

— Люди, — сказал Имтеургин и нагнулся, чтоб лучше рассмотреть следы.

— На лыжах ходили, наших оленей гнали.

— Должно быть, тяжелые люди, — снег глубоко лыжами давили, — сказал Кутувья.

Имтеургин ничего не ответил, только опять снял шапку и смахнул с лица капли пота. Потом пошел вперед по лыжным и оленьим следам. Следы шли прямо, не сворачивая. Но вот следов стало больше. Весь снег истоптан оленьими копытами. Тут большое стадо прошло, чужое стадо.

— Наши с чужими оленями ушли, — сказал Имтеургин.

— Давай, погонимся, — сказал Кутувья. — Найдем стадо по следу, заберем назад своих оленей.

— Давай, — сказал отец, — и они побежали по следам. Вдруг Имтеургин остановился.

— Не догнать, — сказал он. — Сила у нас скоро кончится, давно мы мяса не ели. И дома у нас голодные сидят.

Кутувья потоптался на месте, посмотрел на следы большого стада, а потом пошел назад, за отцом. Они шли медленно, глядя себе под ноги.

Недалеко от того места, где Имтеургин заметил первые следы, он опять остановился и стал прислушиваться.

— Рога стучат,— сказал он сыну.

— Олени!— шепотом сказал Кутувья.— Не все наши олени в чужое стадо ушли. Половина тут осталась.

— Тише пойдем, испугаются,— сказал Имтеургин. Они свернули в сторону и пошли короткими, легкими шагами. Скоро за снежным бугром они увидели оленьи рога. Имтеургин и Кутувья стали на четвереньки и захрапели, как храпят олени.

Олени слышали их, сбились в кучу и поставили хвосты торчком. Потом вытянули вперед морды и медленно пошли навстречу низеньким зверям в оленьих шкурах.

Люди остановились и стали копать снег. Потом помоглись и на четвереньках отбежали в сторону.

Олени понюхали мочу и, отталкивая друг друга, стали жадно глотать мокрый снег.

Имтеургин толкнул сына.

— Смотри,— совсем мало оленей осталось. Большого Рога нет, Черной Спины нет, Круглого Копыта и Серенького тоже нет. Мало оленей осталось, на один ветер не хватит. Как жить будем? Как кочевать будем?

— Подождем соседа Каравью,— ответил Кутувья.— Каравья скоро придет. Вместе с ним кочевать будем. До солнца проживем, а потом птица прилетит, рыба в озерах проснется. И без оленей живы будем.

Имтеургин посмотрел сбоку на сына и сказал, нагнув голову:

— Худое говоришь. Без оленей жив не будешь. Птица прилетит и назад улетит, рыба на дно уйдет, а олень всегда с нами ходит, оленьи мы люди.

Пока Имтеургин и Кутувья искали в тундре оленей, женщины, подняв полу шатра, резали снег длинными

костяными ножами. Вырезали кусок за куском и складывали в шатре. Это они расчищали выход, забитый снегом во время метели.

Когда шатер был почти доверху набит снегом, женщины выбрались наружу, посмотрели на луну и звезды и подышали холодным воздухом. Потом прокопали узкий проход между супробами и стали носить снег вон из шатра. Наконец дорога была расчищена. Тогда женщины вытащили на тундру спальный полог и все шкуры.

— Пусть сохнут, — сказала Кух.

Тынатваль, одетая в меховую рубаху, сшитую вместе со штанами, тоже выбежала на волю. Она стала кататься по снегу как лисенок и прыгать как маленький олень.

Потом вернулась в шатер и оттащила от собаки щенят. Щенята были еще маленькие, с короткой шерстью и мутными глазками. Они запищали, задергали лапами и уткнулись в рубаху Тынатваль.

Девочка, прижала их к щеке, погладила и положила обратно к собаке, которая все время лизала ей руки и скулила, будто упрашивала отдать щенят.

— Тынатваль, — позвала Кух, — иди, играй с братом.

Тынатваль обхватила обеими руками маленького Имтеургина, плотно закутанного в меховую одежду, и стала катать его по снегу.

— Олени! — вдруг закричала Рульта. — Наши олени гонят!

Тынатваль схватила брата, запрыгала и закричала:

— Печенку дадут, мозг буду есть, — вот!

Она хотела поднять брата повыше, чтобы и он посмотрел на оленей, но упала и придавила его.

Ребенок заорал и забился на снегу.

— Не кричи, — сказала Тынатваль. — Тебе тоже печенку дадут!

Олени подходили все ближе. У самого шатра они, как всегда, повернулись к дому задом и пустились было обратно в тундру. Но Имтеургин с сыном взяли аркан за

два конца, широко растянули его и загородили оленям дорогу.

— Мало оленей,— сказала Кух.— Где же вы других оставили?

— Наши олени у чужих людей в стаде пасутся,— сказал Кутувья.— Только вот эти у нас остались, самые мелкие.

Женщины заплакали.

— В чье стадо олени ушли?— спросила Кух.

— Не знаем,— сказал Имтеургин.— Чужие люди далеко ушли, а у нас силы не было, не могли догнать.

— Мало оленей осталось,— сказал Имтеургин.— Меньше, чем пальцев у одного человека. Как жить будем?

Женщины ничего не ответили. Они вдвоем скатали большой ком снега и стали молча вырезывать из него толстого человека. Когда человек был готов, они поставили его у шатра.

— Вот чужой человек стоит!— закричала Кух, показывая рукой на снежную куклу.— Он наших оленей со своим стадом утнал.

Имтеургин взял копье и проколол человека насквозь.

— Вот!— закричал он.— Брюхо тебе проколол!

Потом вытащил нож и отрезал человеку обе ноги. Снежная кукла перевернулась и хлопнулась о землю.

— Пусть без ног ты будешь!— закричал Имтеургин, подбрасывая ногой куклу,— не гоняй чужого стада, не обижай соседей.

— Чужой без ног будет! Чужой без ног будет!— еще громче закричали женщины.— Наши олени к нам бегут!

VI. ГОСТЬ В ТУНДРЕ

Время к солнцу повернуло. Край темного неба утром стал белеть, по следам видно было, где волк прошел, а где мышка пробежала.

Часто люди слышали шорох и свист — это вылетала из снежного сугроба стая куропаток. Всю метель стая спала под снегом и теперь летела искать засыпанную снегом тундровую ягоду — морошку.

Ночь кончалась. Всю зиму простояла в тундре ночь. И вот в такую пору, когда половина неба по утрам бывает белая, а половина темная, с дырочками-звездами, далеко на тундре закрипели полозья.

— Отец, — сказал Кутувья, — люди едут.

Имтеургин прислушался и сказал:

— Бери домой. Пускай еду варят. Люди к нам едут.

А сам снял шапку, уши наставил, бормочет про себя:

— Не щелкают копыта, чужой едет, — на собаках.

Имтеургин отогнал оленей подальше, а сам пошел домой.

— Поть-поть! — послышался издали звонкий от мороза голос.

— Не наши, — сказал Имтеургин. — Не оленные, а собачьи люди едут¹⁴. Поть-поть! Так они на своих собак кричат.

Из-за сугробов показались две собачьи упряжки. Задней упряжкой правил толстый бородатый человек, укутанный в пушистые меха, а передней упряжкой — высокий, тощий, одетый в потертую меховую рубаху. Тощий бежал рядом с собаками и подгонял их палкой. Потом он хватался за дугу, которая привязывается к нарте по самой ее середине, вскакивал одной ногой на узкий полоз и мчался дальше.

Когда гости подъехали к шатру, все собаки передней упряжки разом зарычали и, дернув нарты вбок, с лаем бросились на оленей.

Олени положили рога на спину и пустились вскачь.

— Той, той! — заревел тощий и сунул палку с железным наконечником между копыльями нарты в снег. Нарта закрипела и остановилась, но собаки рванули еще сильнее, выдернули наконечник из снега и снова понеслись во

всю прыть. Тощий ухватился обеими руками за дугу, опрокинул нарту набок и запустил палку с железным наконечником прямо в спину передней собаки.

Она так и повалилась с высунутым языком под ноги другим собакам.

А тощий повернул упряжку и помчался к шатру, волоча по снегу ушибленную собаку. За нарткой потянулся красный след. Это из открытой пасти собаки текла кровь.

— Смотри!— закричала Тынатваль.— Она кровью плюется, она встать не может.

В это время задняя нарта дернулась, выкинула седока и понеслась в тундру вверх полозьями. Толстый гость отлетел в сторону, как брошенная с нарты рукавица.

— Хорошо!— топнул ногой Кутувья.— Пусть они себе ребра поломают. Зачем собаку бьют!

А Имтеургин ничего не сказал и побежал поднимать толстого гостя. В это время другой гость — тощий — расправил свою упряжку и пустился догонять убежавшую нарту. Он быстро поравнялся с упряжкой, поймал рукой ременный потяг и крепко привязал к задку своей нарты. Потом погнался своих собак к шатру.

На ходу он щелкал палкой и передних, и задних собак, но больше всего доставалось задним. Они только визжали и прятали головы под потяг. Брызги крови летели у них из ноздрей и пасти.

— Совсем как бешеный волк,— сказал отцу Кутувья.— Всех собак перекалечит!

— Тише!— сказала Кух.— Не говори худо про гостей. Имтеургин счистил снег с шубы бородатого гостя, взял его за руку и повел в шатер. Когда гость разделся, Тынатваль прижалась к матери и зашептала:

— Смотри, лицо у него мохнатое! Все равно как келе, — я боюсь!

Кутувья взглянул на толстого и тоже испугался.

— Волосы у него на лице совсем красные, как у старой медведицы. Может, быть, это медведь?

— Ой! — тихо вскрикнула Рутьина и дернула за рукав Кух. — Глаза у него белые, — отморожил, видно.

Все стали рассматривать серые глаза бородатого гостя. А Имтеургин спросил:

— У тебя глаза отморожены?

Бородатый гость ничего не ответил. Он только высунул язык, показал на уши и помотал головой.

В это время снаружи послышался шум. В шатер вбежал тощий гость. Посредине шатра он опустился на четвереньки, приставил к задку мохнатую рукавицу, будто хвост, и, подняв голову вверх, залаял по-собачьи. Потом посмотрел на Имтеургина, показал себе в рот и закричал по-своему:

— Наша хвостатый хоронго... Он! он!.. Мясо кушать хочет. Давай скорей мяса!

Имтеургин посмотрел на него, потом посмотрел на сына и ничего не ответил. Только пот с лица стер.

Тогда тощий схватил его за руку, вытащил из шатра и показал на сидевшую у самого шатра собаку, на ее рот, на ее брюхо.

— Хоронго мясо собаки шибко есть хочут! Совсем брюхо маленький. Есть хочут!

Имтеургин еще сильнее вспотел, расстегнул ворот и пошел обратно в шатер.

— Кутувья, — сказал он сыну. — Наверно, мясо просят, собак кормить хотят.

— Мясa нет, — сказал Кутувья. — Сами голодные.

— Надо гостей кормить, — сказал Имтеургин. — Все равно, сами голодные будем, — принеси оленя.

Кутувья нехотя взял аркан и пошел к стаду.

Бородатый гость достал из штанов кисет и дал щепотку табаку Имтеургину. Имтеургин закурил и передал трубку жене. Жена глотнула немножко дыма, плюнула на край постели и передала трубку Рутьине. Рутьина выпустила дым через ноздри и дала трубку Тынатваль. Тынатваль сунула себе в рот слюнявый конец трубки, за-

кашлялась, вытерла слезы и ткнула трубку в рот маленькому Имтеургину. Ребенок взмахнул руками и заплакал. Тогда Тынатваль втянула в себя глоток табачного дыму и, наклонившись, дунула в рот маленькому. Мальчик задержался, закрыл глаза и стал реветь. Бородатый гость смотрел на них и смеялся.

В это время в шатер просунулся большой узел. Его нес перед собой, выгибая назад спину, тощий гость. Тынатваль опять испугалась и спряталась в полог, а взрослые, вытянув шеи, стали смотреть, как бородатый разворачивает узел. Он вытащил оттуда несколько кусочков сахара и роздал всей семье.

Имтеургин растер зубами сахар и причмокнул.

— Совсем хороший, в глотку сам лезет.

— Это царская еда, — сказал бородатый и тоже причмокнул. — Это мне гостинец привезли.

Имтеургин не понял бородатого и спросил у него по своему, по-чукотски:

— Что ты говоришь?

Но бородатый гость не понимал по-чукотски. Он был русский.

И гость и хозяин знали только, что если чмокают, — значит, вкусно, а если руки расставляют, — значит, много.

Бородатый широко расставил руки, мотнул головой на свой узел и сказал:

— Я много товаров привез. А этот человек — мой казак, работник. Мы с ним русские купцы. Мы тундра ходит, велитку — торговать.

Из большого узла торчали черные плитки чая, поблескивала посуда, вылезали лапы песцов и лисиц.

— Мы чай давай, табак давай, а ты — песец давай, лисица давай. Наша велитку — торгуй давай!

Потом он вытащил из узла большую посуду, вроде ледяной сосульки, и потряс ею перед Имтеургином.

В сосульке забулькала вода. Имтеургин удивился, — как это она во льду не мерзнет.

— Это царская вода. Знаешь царя? Царь — большой человек. Такой он большой человек, понимаешь? А это, — бородатый погладил бутылку, — это его царская вода. Он пьет только такую воду. Крепкую!

Имтеургин ничего не понимал, только смотрел, как у мохнатого человека ворочается между обросшими шерстью губами красный язык.

Пришел Кутувья. Он приволок за рога оленью тушу. Тут же разрезал ее ножом на части и понес мясо собакам. Потом вернулся в шатер и сказал:

— Лающих гостей мясом накормил.

Купец дал Кутувье кусок сахара. Кутувья повертел его, понюхал, прижал к языку и стал сосать.

— Вкусный камень, — сказал он. — Давно такого не ел.

Когда гости напились чаю, Кух сварила мясо и положила его на нерпичью кожу.

Купец опять взял свою ледяную сосульку и ударил ею о ладонь. Из сосульки вылетело что-то мягкое, как гнилушка.

Купец налил воду в чашку и сказал Имтеургину:

— А ну-ка, попробуй моей царской воды.

Имтеургин понюхал, но вдруг зажмурился и стал кашлять.

— Ох! Злая вода. Совсем как огонь!

Тощий гость причмокнул и сказал:

— А ну, глотни!

Имтеургин отпил глоток и замотал головой.

Кутувья тоже приложился к чашке, с трудом перевел дух и протянул чашку матери. Кух отпила немного, что-то прохрипела и дала Рутьтыне. Рутьтына хлебнула и закрыла глаза. Потом сунула чашку Тынатваль. Тынатваль посмотрела на Рутьтыну, на чашку, на воду и осторожно потянула губами из чашки.

— Кусается, — сказала Тынатваль и вылила остаток воды в рот ребенку. Ребенок закрыл глаза, раскрыл рот и весь вытянулся.

Купец хлопнул себя по колену рукой и захохотал.

— Мама,— сказала Тынатваль, еле ворочая языком,— отчего у маленького глаза белые?

— Наверно, от сердитой воды,— сказала мать будто спросонок.

— Мама!— закричала Тынатваль.— У меня вода обратно хочет выйти.

Мать ее не слушала.

Тынатваль заметалась по шатру, потом согнулась вдвое и наклонила голову почти до самой земли. Ее стало рвать. Кух, шатаясь, добралась до постели и свалилась на оленьи шкуры. Кутувья прислонился к стенке шатра и оперся на нее обеими руками.

Один только Имтеургин сидел веселый и говорил, раскачиваясь:

— Косматый гость! Косматый гость! Шерстистое лицо! На лице шерсть растет, красная шерсть, как у старой медведицы! В глазах кусочки льда блестят! Круглые кусочки льда! Отморозил себе глаза косматый гость!

— Хозяин!— затормошил его купец,— давай торговать!

Имтеургин поднял голову.

Купец разложил вокруг себя на постели ножи, топоры, бусы, чашки, сухари, а потом вытащил из сумы пушистую шкуру песца и помахал перед носом Имтеургина.

— Вот такое давай!— сказал он.

Имтеургин взял в руки блестящий топор, потрогал пальцем острие. Потом молча полез в угол и вытащил из мешка одну шкурку песца, потом другую.

— Еще!— крикнул купец и мигнул тощему. Тощий куда-то сбегал,— должно быть, к нартам,— и принес еще две кожаных сумы.

Из одной он вынул большеносый пузатый чайник из красной меди и тяжелый черный котел; из другой — синие, зеленые, желтые чашки, две плитки чая и три папушки пахучего листового табаку.

Имтеургин вспомнил про свой чайник с помятыми боками и с заплатой вместо носика, про свои чашки, собранные из осколков и обтянутые ремешками.

Он понюхал табак, постучал по дну котла, потрогал носик чайника и опять полез в угол.

— Ищи, ищи, — сказал купец.

Имтеургин стал вытаскивать из мешка шкурку за шкуркой, вытащил двенадцать белых длинношерстных песцов, пять ярко-красных лисиц и две росомашьи шкуры с длинным темным волосом.

Купец присел на корточки и стал быстро собирать шкурки, которые вытащил из мешка Имтеургин.

Он перетряхнул их одну за другой и перебросил тощему. Тощий ухмыльнулся в усы и стал осторожно укладывать меха в дорожные сумы, выворачивая каждую шкуру вверх мездрой.

А Имтеургин сидел по-прежнему в углу и остро смотривал на новые, хорошие, нужные вещи, которые привез с дальней реки гость.

— Ну, еще царской! — сказал купец и налил полную чашку. Имтеургин разом опрокинул чашку в рот и зажмурил глаза.

Купец посмотрел вокруг. Женщины лежали с закрытыми глазами, дети тоже спали, уткнувшись носами в постель. Только один Кутувья сидел, поджавши ноги, и смотрел на купца, не мигая. Купец ткнул чашку и ему. Кутувья взял чашку обеими руками и стал пить, не отрываясь.

— Ну, молодой хозяин, — сказал купец, — поищи у себя в подушке, — не припрятана ли там черная лисичка или голубой песец? Я за них целую бутылку царской воды отдам.

Но Кутувья ничего не понял.

Он, не слушая гостя, выскочил из шатра, загреб руками снег и стал горстями запихивать себе в рот.

Потом шатаясь вернулся в шатер и заснул.

Первым в пологу проснулся Имтеургин. Он поднялся, сел на постели и сказал хриплым голосом:

— Гость, налей еще воды!

Но гость не отозвался.

Имтеургин протер глаза. В пологу было темно. Кругом храпели.

Имтеургин вышел из шатра. Голову и лицо потер снегом. В глазах у него стало светлее.

— Вставай, чайник повесь! — сказал он жене, вернувшись в полог. — Я пить хочу!

Кух заворочалась, присела и провела руками по лицу. Потом она выползла в шатер и стала вертеть деревянное сверло, чтобы добыть огонь.

После долгой возни Кух зажгла светильню и внесла в полог.

Имтеургин оглядел спящих, посмотрел во все углы. Купца с казаком в пологу не было. Пьяные, с красными лицами, лежали на шкурах Кутувья и Рутьяна. Тынаваль свернулась комочком, прижавшись к спящей собаке.

Тут проснулся ребенок и заплакал. Имтеургин положил ему в рот щепотку табаку. Ребенок стал давиться. Кух сердито посмотрела на мужа, выковырнула грязным пальцем изо рта ребенка табак и положила себе в рот.

Потом достала старый безносый чайник и повесила над огнем.

— Новый чайник повесь, — сказал Имтеургин. — Из нового чайника пить будем.

— Нет нового чайника, — ответила Кух.

Имтеургин посмотрел на нее и сказал:

— Поищи, жена. Есть чайник. Я его вчера выменял у косматого, еще взял новый котел, новый топор, новые чашки, — все новое теперь у нас будет.

Кух пошарила в пологу, потом в шатре. Она нашла и принесла Имтеургиному черный ржавый котел, несколько листов пахучего табака, две чашки, топор и пустую бутылку. А чайника нигде не было.

— Верно, гость с собой увез,— сказала Кух и села к огню.

Имтеургин посмотрел на жену. На шее у нее поблескивали новые блестящие бусы, нанизанные на нитку.

Имтеургин пошел в угол и вытащил мохнатый мешок. Этот мешок вчера еще был туго набит песцовыми, лисьими и росомашьими шкурами. Теперь он был пустой.

— Обманул гость,— сказал Имтеургин жене.— Зверей взял, а новый чайник увез. Верно, другому его покажет и другого тоже обманет. Так и будет по всей тундре ездить с моим чайником.

Имтеургин поднял новый топор и ударил со всей силы по пустой бутылке. Бутылка разлетелась вдребезги.

— Пускай у мохнатого так расколется голова,— сказал Имтеургин.

VII. СОСЕД КАРАВЬЯ

В пологу спала собака. Она подняла голову и прислушалась. Потом залаяла и выскочила из полога.

— Какко!— сказал Имтеургин.— На дворе шум. Может, мохнатый вернулся?

Имтеургин, голый, выскочил из шатра.

Перед шатром стояли два оленя, запряженные в большую нарту.

Имтеургин попятился.

— Каравья, это ты?

— Ыы-ы,— сказал пожилой человек в черной меховой рубахе. Он привязывал своих оленей к ремненным петлям, которые торчали из шатра во все стороны¹⁵.

— Как жарко ты ходишь,— засмеялся гость.

Имтеургин вспомнил, что он голый, и тут его забрала дрожь.

Он весь съежился и крикнул:

— Йэтти! Иди в полог!

А сам шмыгнул обратно.

— Жена, — сказал он, — вари мясо, сосед Каравья приехал.

Кух разбудила Рутьину и растолкала сына.

— Вставайте, — сказала она. — Сосед приехал.

Каравья оставил в шатре одежду и тоже голый залез в полог. Он прижался сначала к Имтеургину и понюхал у него за ухом, потом прижался к Кух, потом к Кутувье, потом к Рутьине, к Тынатваль и после всех прижал к себе ребенка.

— Спи, — сказал он, — как медведь расти!

— Этот во время метели пришел, — сказал Имтеургин. — Еще два щенка пришли. Они с нами живут. А два сразу ушли. Мы их там в снег закопали.

Тынатваль оттащила от собаки щенят и подала гостю. Гость повертел их, погладил, прижал к щеке и отдал обратно Тынатваль.

— Пусть как волки растут, — сказал он. — Пусть всех келе прогонят. Пусть обезножье-болезнь загрызут.

Имтеургин набил табаком трубку и дал ее гостю. Каравья затянулся дымом и сказал:

— Видно, у вас речной гость был, табак у вас есть.

— Был, — сказал Имтеурпин, — всех песцов и лисиц у меня взял, чайник хотел дать, а потом уехал и с собой увез.

Каравья вынул изо рта трубку и посмотрел на Имтеургина. Потом спросил:

— А сколько зверей ты дал?

— Всех дал, — ответил Имтеургин, — больше дал, чем пальцев на руках.

— Много, — покачал головой Каравья. — А он что дал?

Имтеургин показал — топор, черный котел и две чашки.

— Только,— сказал он.— Еще табаку дал — вот это.

— Полфунта,— сказал Каравья и плюнул.

— А у нас в метель олени пропали,— сказала Кух.

— А как пропали?— спросил Каравья.— Волки съели, или в чужой табун ушли?

Имтеургин сел поближе к Каравье и сказал, глядя на огонь:

— Мы вместе с сыном ходили. Два раза ходили. Нет наших оленей. А потом следы увидели. Большого Рога след, Кривой Ноги след, Пестрой Лапы след. Мы обрадовались. Идем-идем и смотрим. А тут вдруг много-много следов. Оленьи следы, лыжные следы. Большое стадо прошло, наших с собой увело.

— А чье стадо было?— спросил Каравья.

— Не знаем,— сказал Имтеургин.

Каравья посидел, покурил, подумал, потом спросил:

— Большое стадо, ты сказал? У кого большое стадо? У Тавринвата. Да Тавринват у Гусиного озера кочует. Ульгувья у Волчьей горы ходит. Ульгувья сюда не придет — далеко... Хо, я знаю, чье это стадо было,— Эрмечиново стадо! Эрмечин¹⁶ тут близко сидит. Я у Щучьей речки его пастуха видел — Тырки видел.

— Тырки!— закричал Кутувья и вскочил с постели.— Я Тырки ноги сломаю! Своих оленей у него возьму и Эрмечиновых оленей разгоню.

— Постой,— сказал Имтеургин.— Эрмечин хороший сосед. Он чужих оленей не угонит,— у него своих много. Эрмечин нам свой человек. Мы с ним вместе играли, когда молодые были, гусиные яйца в кустах искали, росомаху один раз поймали, палкой убили. Сильный он был, Эрмечин, и я тоже сильный был.

Каравья посмотрел на Имтеургина, прищурился и потряс головой.

— Свой он человек, ты верно сказал. А только он соседей обижать стал. Я в прошлый снег к нему за топором поехал, а от него пешком в метель ушел. Олень мой

его большой собаки испугался, домой убежал, а своих оленей он мне не дал, пожалел. Трубку он сам курит — гостю не дает, а табак у него крепкий, кусачий, одним глотком сыт будешь. Этот табак ему речные люди привозят. Эрмечин с ними как хороший сосед живет, за тундру к ним ездит и к себе зовет в гости.

— Надо нам всем вместе пойти, — сказал Имтеургин, — по-хорошему пойти, — может он нам оленей и отдаст, — Может, и отдаст, — сказал Каравья.

Кух накрошила пожом жирную оленьею прудинку и положила перед Каравьей.

— Ешь мясо, — сказала она.

После еды Каравья внес в шатер заднюю медвежью ногу, всю белую от сала, и дал ее Кух. Имтеургину он дал копченую медвежью голову, Кутувье — аркан, ровно и крепко сплетенный из четырех полос белой нерпичьей кожи, Рутьтине дал обросшие жиром оленьи почки, а Тынатваль большую пушистую медвежью шкуру, черную, с серебряным блеском.

— Вот подарки. Их прислала вам жена и сын Ачо. А привез их я, — сказал Каравья.

Вся семья обрадовалась подаркам, но больше всех обрадовался сам Имтеургин.

Они посадили Каравью у огня, а сами сели вокруг, тесно прижавшись к нему.

— Мы не знали, — сказал Каравья, указывая на ребенка, — что к вам новый человек пришел. Я ему даю свою упряжку оленей вместе с нартой и с ляжками.

Имтеургин схватил ребенка и сунул его Каравье.

— Вот он — наш сын, у него голос громкий, хорошо на оленей кричать будет.

Каравья прижал к себе ребенка, потерся щекой о его спину и сказал:

— Пускай вместе растут с моим Ачо — сыном.

— Пускай! — сказал Имтеургин.

Потом Каравья рассказал, как его семья провела метель, как он охотился осенью на медведя, какие ловушки ставил на песцов.

— У меня оленей больше, чем у вас, — сказал он. — Но у меня только один сын — Ачо, а у вас два сына и дочь. Ачо у меня маленький, ему только два снега. Это третий снег будет. И я хочу быть вашим человеком.

— Хорошо жить в тундре, когда семья большая, — сказал Имтеургин. — Твой Ачо хороший сын. Пусть он играет с моим Теу, когда оба вырастут.

— Наш сын Ачо, его мать, наши олени, наша собака и я, — сказал Каравья, глядя на светильник, — все мы просим у вас Тынатваль нашему Ачо в жены.

Кух прижала к себе Тынатваль и ничего не ответила.

— Тынатваль, — спросил отец, — ты хочешь играть с Ачо?

— Хочу, — сказала Тынатваль. — Мы бы по снегу вместе катались.

— А ты, Рультына, а ты, Кутувья, хотите иметь Ачо?

— Что ж, — сказал Кутувья, — свои люди.

— А ты, Кух? — спросил Имтеургин жену.

— Каравья — наш сосед, — сказала она. — Всегда мы вместе жили, друг другу всегда помогали, а теперь мы будем просить у него помощи.

— Хорошо ты сказала, — кивнул головой Имтеургин. — Мы теперь голодные остались, без оленей.

Потом он обратился к Каравье:

— Мы — безоленные. наших оленей чужой человек угнал, нас голодных оставил. Ты этого не знал, но мы говорим тебе: мы безоленные стали.

— Я оленей у вас не прошу, — сказал Каравья. — Вы хорошие люди, сильные. Ваших оленей чужой человек угнал, или ваши олени сами убежали, или у вас оленей волки задавили, — в этом вы не виноваты. Это — беда. Надо будет — возьмите моих оленей, надо будет — дайте вместе жить, у одного огня есть будем.

— Пускай Тынатваль будет женой Ачо,— сказал Имтеургин.— Пускай Ачо будет нашим сыном.

Кух и Рультына разрезали свежую медвежатину на толстые ломти и согрели воду в старом чайнике. После ужина поговорили еще немного и легли спать.

Каравью уложили посредине йоронги, на самое теплое место, а женщины легли поближе к светильне, чтобы смотреть за огнем ночью — не давать ему погаснуть.

Долго все спали в йоронге и не заметили, как на рассвете к шатру подъехала семья Каравьи на шести нартах и двенадцати оленях. Перед ездовыми оленями бежало небольшое оленье стадо — голов шестьдесят.

Собака в шатре залаяла и разбудила людей. Каравья поднялся первый, за ним Имтеургин, потом Кутувья и женщины. Только дети ничего не слышали и спали крепко, как ночью.

Люди оделись и, оставив ребят в теплом пологе вышли встречать гостей.

Мужчины стали помогать Тыллиму — брату Каравьи — распрягать оленей, а женщины ввели в шатер жену Каравьи, помогли ей раздеться и, впустив в полог, внесли туда же на руках двухлетнего ребенка Ачо.

Пока гости рассаживались в пологу, Кух развела огонь.

— Тынатваль, вставай, твой муж приехал,— сказал Имтеургин и поднял на руки сонную дочку.

— А-ка-ка!— вдруг закричал он, посмотрев на ее спину.— Опять ты прязная!

Девочка заплакала и сказала:

— Я только мокрая.

— Нет,— сказал Имтеургин и повернул ее спиной к гостям.

— Ничего,— сказал Каравья.— Это она во сне. Она еще маленькая.

Имтеургин ничего не ответил и притянул к Тынат-

валь собаку. Собака дочиста облизала ей спину, потом вылизала мокрую постель и спокойно отошла в угол.

В это время жена Каравьи развязала меховой мешок и вынула оттуда Ачо. Она покормила его грудью и посадила рядом с Тынатваль на меховую постель.

— Это твоя жена, — сказала она Ачо.

Но Ачо вдруг зажмурился, надул обветренные коричневые щеки и заплакал так промкко, что щенята, которые спали в углу, проснулись и запищали.

VIII. КОЧЕВЬЕ

Утром женщины разобрали шатер. Свернули его и уложили на нарту. На другие нарты стали укладывать полог, постель, посуду, мороженые куски мяса, разную домашнюю утварь.

Когда все было уложено, на нарты уселись люди и двинулись в путь.

Имтеургин-отец поехал впереди всех на легкой нарте. Он сидел на ней верхом и правил ногами — то правой, то левой. Следом ехал Каравья, тоже на легкой нарте, а за ним бежали на лыжах Кутувья и Тыллим и гнали перед собой стадо оленей.

За мужчинами на широких пружных нартах тащились женщины. На одной — Кух. Она сидела на сложенном и перетянутом ремнями шатре.

К этой нарте была привязана другая, такая же широкая, и на ней, обложенные большими мешками и закутанные в шкуры, сидели Тынатваль и Теу.

Потом ехала жена Каравьи, а сзади всех Рультына. Ее нарту, напруженную мороженым мясом и посудой, тащили два пестрых оленя.

На том месте, где еще сегодня утром стояли шатры, теперь видны были только две черные ямы, а вокруг истоптанный людьми, изрытый оленями, сероватый снег.

Кое-где остались клочья бурой оленьей шерсти, обглоданные добела кости и орешки черного оленьего помета.

Как только люди немного отъехали, к ямам прилетел ворон. Он покружился над ними, каркнул и, растопырив крылья, опустился на землю. Постоял на одном месте. Прыгнул несколько раз по снегу. Потом перелетел на самый край ямы и стал клевать обглоданную людьми оленью кость.

Целый день в тундре визжали полозья нарт и шелкала оленьи копыта. От дыханья оленей по обе стороны каравана собирался густой сероватый туман. Большим пушистым хвостом тянулся он назад, оседал и падал на землю изморозью.

Тынатваль, свесившись с края нарты, плевала на снег и смотрела, как ее слюна ледяными шариками откатывается назад.

Воротник у нее покрылся крупным инеем и стал колоть ей шею и щеки. Она хотела стряхнуть иней, но не могла пошевелить рукой. Широкие рукава меховой одежды были крепко-накрепко привязаны к нарте. Тынатваль приподняла плечи, выдернула одну руку из рукава и быстро счистила со своего воротника затвердевший иней.

Потом она сложила руки и засунула их подмышки, а пустые рукава так и остались привязанными к нарте.

Рядом с Тынатваль лежал обмотанный ремнями маленький Имтеургин. Он был закутан в ту самую меховую одежду, в которую его засунули, когда он родился. Мех изнутри был мокрый, а теперь в пути он затвердел на морозе и обхватил ребенка колючей, обжигающей тело ледяной коркой. Ребенок сначала плакал, а потом стал хрипеть. Тогда Кух отковырнула ножом от замороженной оленьей туши кусок печенки, пожевала его и сунула сыну в рот.

Маленький Имтеургин сразу замолчал.

Долго ехали люди по тундре.

Ехали до тех пор, пока олени не начали тяжело дышать и кашлять.

Имтеургин-отец остановил переднюю нарту, а за ним остановилось все кочевье.

Люди сошли с нарт на неровный, расцарапанный ветром снег и посмотрели вверх.

Белое небо упало за тот край тундры, и открылось другое небо, в светлых дырках, будто пробитое стрелами.

— Это свет от третьего неба виден, — сказал Имтеургин, указывая на светлые дырки.

— Наверно, там, на третьем небе, тепло, — сказал Тыллим и потер свою обмороженную правую щеку о плечо.

— Да, — сказал Имтеургин, — где светло, там и тепло. Должно быть, там теперь лето.

Мужчины распрягли оленей, а женщины вытоптали в снегу яму и над ямой поставили шатер. Внутри шатра натянули спальный полог и настлали на снег оленин шкуры.

Тут только Кух отвязала детей и внесла их в полог. Она быстро разделась сама и хотела было раздеть сына, но обледеневшая мохнатая одежда примерзла мехом к его коже. Кух стала потихоньку отдирать мех от тела мальчика. Маленький Имтеургин не шевелился и не кричал, и мать думала, что ему не больно.

— Ешь, — сказала она и поднесла его к груди, но он замотал головой.

Кух встряхнула его и ткнула ему в рот палец, но рот был крепко сжат, а из угла торчал мерзлый кусочек печенки. Мальчик тяжело дышал носом. Мать хотела выковырнуть ледяшку у него изо рта, но печенка крепко примерзла к губам и к языку. Тогда Кух просунула ребенку в рот свой язык, согрела обледенелую печенку и выкинула ее прочь.

Мальчик дернулся, всхлипнул и заревел.

В это время жена Каравьи и Рультаина внесли в по-

лог две зажженные светильни и повесили над ними чайник и котел, набитые доверху снегом.

Кух поднесла ребенка к свету и вскрикнула: вся кожа на его спине была ободрана и сочилась кровью.

— Смотрите, у Теу спина полосатая стала, — сказала Тынатваль.

Кух позвала собаку и поднесла ребенка к самой ее морде. Собака стала осторожно слизывать кровь с его ободранной спины.

Маленький Имтеургин кричал и дрыгал ногами, а мать гладила собаку по спине и говорила:

— Хорошо зализывай, новую кожу сделай, крепкую, как твоя кожа, сделай.

Собака облизала ребенка всего — вдоль и поперек, от затылка до пяток — и отошла прочь.

Тогда мать взяла из светильни кусок оленьего сала, пожевала его и, выплюнув на ладонь, стала растирать теплым жиром раны ребенка.

Между тем в пологу собрались все мужчины. Они наелись мяса и улеглись спать. А женщины сели вокруг светильника и принялись чинить одежду и обувь. Кух зашила дыру в сапогах мужа. Потом она взяла его меховые чулки, вывернула наизнанку и повесила сушиться на ремень, протянутый от одного края полога до другого. Чулки были тяжелые от пота и сильно пахли. Кух отодвинула их подальше от спящих людей.

— Сильно пахнут, — сказала она женщинам. — А все-таки одежда Теу еще сильнее пахнет. Сын наверное будет крепче отца. Ловкий охотник будет, — это хорошо.

А сын ворочался в это время под оленьей шкурой и сопел. Он был такой горячий, что Тынатваль поднялась и сказала матери:

— Возьми брата, от него очень жарко. Он толкается и спать не дает.

Кух положила ребенка подальше от Тынатваль и сама легла между ними.

Имтеургин-отец проснулся еще до рассвета и растолкал остальных. Каравья поднялся сам, а Кутувья и Тыллима пришлось поднять силой и посадить к огню, чтобы они проснулись.

— Как медведи оба, — сказал Каравья, — всю зиму проспят, если их не будить. Молодые еще.

Но Кутувья и Тыллим уже потягивались и протирали глаза. Скоро все мужчины выползли из полога в холодный шатер. Там они сняли с ремней меховую одежду, стряхнули с нее иней и натянули на голое тело. От одежды стало еще холоднее.

Все четверо выскочили из шатра и пустились бегом ловить оленей.

Света было еще мало, и только привычный глаз мог разглядеть в тундре большое серое пятно.

Это были олени, сбившиеся от холода в кучу. Пар от дыхания стоял у них над головами туманом.

Мужчины переловили оленей и снова запрягли в нарты. На месте стоянки их ждали уже закутанные в шкуры женщины и дети. Шатер был свернут и лежал на снегу.

Обе семьи уселись на нарты по-старому, впереди всех поехал Имтеургин, а сзади Рульта на пестрых оленях. Только маленького Имтеургина на этот раз мать положила на свою нарту, а Тынатваль поехала одна.

По дороге ей стало скучно. Она оглянулась назад и зачмокала губами. Вся белая от снега, вынырнула из сугроба собака и с разбегу вскочила к ней на нарту.

IX. ЗЕЛЕНый ШАТЕР

Караван подходил к Эрмечинову стойбищу. Издали люди увидели над землей тучу густого тумана. Имтеургин обернулся к своим и крикнул:

— Хо! Много людей тут стоит. Большое собрание жилищ.

Он подстегнул длинным кнутом оленей.

Из тумана выступили острые верхушки шатров, и стало слышно, как разговаривают люди, лают собаки и стучат олени рога.

У первого шатра Имтеургин остановился.

Там уже гостей ожидала толпа мужчин, женщин и детей.

Все были в меховых рубахах — нарядных и пестрых. У одного был воротник из черной росомахи, у другого серая волчья шапка, у третьего красная лисья оторочка на рубахе и белые рукавицы из песцовых лап. Люди кричали, расхаживали между шатрами, смеялись.

— Йэтти! Ко мне поедем! — крикнул пожилой человек и поставил ногу на полоз Имтеургиновой нарты.

— Пельпель! — весело сказал Имтеургин. — Как сидишь, Пельпель? Как твои олени ходят? Как зверей ловил, Пельпель?

— Едем ко мне, все расскажу, — сказал Пельпель и подсел к Имтеургину.

Они поехали на тот край стойбища к шатру, покрытому дырявыми, потертými шкурами. Там привязали оленей к ремненным петлям и полезли в полог.

Остальные нарты каравана тоже подъехали к шатру Пельпеля, и скоро шатер наполнился людьми.

В пологу было жарко и дымно. Гости и хозяева расселись вокруг огня и стали раскалывать олени кости. В костях было много свежего жирного мозгу.

Когда все поели, Пельпель покашлял и начал рассказывать:

— Я эту осень все по краю леса кочевал, — рассказывал Пельпель. — Уткучины ставил. Много песцов поймал, больших, волосатых. Хорошо. Потом к нам речной гость приехал, большой нож привез, котел привез, чайник привез, новый чайник из красной меди. Всех песцов у меня

гость взял. А ночью тихонько к Эрмечину ушел и чайник, с собою унес. Жалко чайника, и песцов жалко.

— Речной гость у тебя был? — спросил Имтеургин. — А на лице у него были волосы?

— Были, — ответил Пельпель, — все лицо красными волосами заросло.

— Теперь меня слушайте, — сказал Имтеургин. — Такой гость у меня тоже был. Тоже медный чайник показывал, а потом назад уехал.

— Увез? — спросил Пельпель.

— Увез, — сказал Имтеургин. — И чайник увез, и всех зверей увез.

— Вот какой худой, — сказал Пельпель. — Я с ним драться хочу, только он никуда не выходит. Все в шатре сидит.

— Здесь сидит?

— Здесь, у Эрмечина. Собак своих оленьим мясом кормит.

— А чайник еще у него? — спросил Имтеургин.

— Нет. Эрмечину отдал.

— Я к нему иду! — сказал Имтеургин и стал одеваться.

— Я тоже иду! — сказал Пельпель.

— И мы идем! — сказали Тыллим и Кутувья.

Мужчины поднялись и пошли к шатрам Эрмечина.

Посредине стойбища стоял большой, темный, почти черный шатер. Он был сшит из новых оленьих шкур.

Имтеургин посмотрел на него снизу вверх и сказал:

— Вот какой большой. Всех моих оленей заколоть — и то меньше шатер будет.

Рядом с черным на трех нартах, составленных вместе, стоял другой шатер, покрытый зеленым сукном. Над входом висела медвежья шкура. Это был походный шатер Эрмечина.

Пельпель приподнял медвежью шкуру и просунул голову в зеленый шатер.

— Гость! — крикнул он.

Кто-то кашлянул внутри шатра, засопел, заворочался. Из-за шкуры высунулась волосатая рука, потом красное заспанное лицо.

— Он! — сказал Имтеургин.

— Где мой чайник? — спросил Пельпель.

Купец зевнул и сказал что-то по-своему.

— Чайник отдай! — сказал Кутувья, хватаясь за край медвежьей шкуры.

Купец выдернул шкуру у него из рук и снова закрыл вход.

Пельпель отдернул шкуру и шмыгнул в шатер.

В шатре сначала было тихо, а потом заговорил Пельпель.

Слов его нельзя было разобрать, только слышно было, что он говорит про чайник.

Вдруг медвежья шкура задрожала, заходила туда-сюда, и из-под нее выкатился Пельпель. Он был без шапки. А медвежья шкура снова задернулась и закрыла вход в шатер.

Пельпель вскочил и схватился за нож.

— Не надо! — крикнул Имтеургин и поймал его за руку.

— Пусти! — сказал Пельпель! — Я драться хочу!

Имтеургин обхватил Пельпеля руками и вместе с ним повалился на снег.

В это время Кутувья, Тыллим и другие люди со стойбища сорвали медвежью шкуру и выволокли из шатра купца. Он был на полголовы меньше Тыллима и на голову меньше Кутувьи, но зато толще их обоих вместе.

— В снег бросай! — крикнул Кутувья. Он приподнял купца и посадил с размаху в сугроб. Купец точно провалился под землю, только пучок рыжих волос остался торчать над снегом.

Все громко засмеялись. А Пельпель вскочил на рыхлую кучу снега, в которой ворочался купец.

— Вот тебе чайник!— кричал он, притоптывая ногой сугроб.— Вот тебе чайник! Вот тебе песцы!

Тыллим тоже навалился на сугроб и стал колотить по нему руками и ногами. Сугроб шевелился и кряхтел.

— Лови лисицу за хвост!— крикнул Кутувья и ухватил рукой рыжий пучок волос.

Кругом еще громче засмеялись.

— Не надо больше,— сказал Имтеургин.— А то вы ему все кости переломаете, умрет еще. А тогда люди с ружьями из-за лесов придут. Большая война будет.

Люди со стойбища шли назад как с хорошей охоты. Вспоминали и показывали руками, как они сажали купца в снег.

— Тяжелый, а лягается как олень.

— А волосы у него на лице крепкие. Я дергал, дергал, не вырываются.

— А я его в брюхо ногой.

— А я его в печенку, под ребро.

Когда пришли к Пельпелю, полог всех не уместил. Подняли стенку полога и расселись на шкурах по всему шатру.

Имтеургин набил трубку черным табаком со стружками лиственницы и спросил у Пельпеля:

— А что потом было?

Пельпель сел на прежнее место и сказал:

— Кочевал я в эту осень все по краю леса, уткучины ставил, много песцов поймал, больших песцов. А потом ветер стал дуть, засыпало нас снегом, стенки шатра крепко придавило. Вот сидим мы здесь и слушаем. Кругом ветер ходит, разными голосами кричит. Потом кто-то наверх полез и стал шатер царапать. Прямо над головой. Я испугался. Думаю, это келе пришел, нас съесть хочет. А жена дышать перестала — так сильно испугалась. Слушаем... Вдруг он сверху на пол прыгнул. Я тоже дышать перестал.

Жена мне тихо говорит:

«Слушай, он там в шатре мясо грызет».

Я послушал. Верно. Ходит он по шатру и зубами скрипит. К самому пологу подходит, а потом в другой конец идет и все грызет, грызет.

Говорю жене:

«Хорошо, пусть мясо грызет. Если сыт будет, нас не тронет».

Всю ночь мы не спали, все слушали, как большой келе у нас в шатре мерзлое мясо грызет.

Сидели мы так, сидели, я пить захотел. И ребенок заплакал, тоже пить просит. Надо за снегом в шатер сходить. А вылезти из полога боюсь. Сижу у самого входа с ножом в руке, жду, когда келе к нам в полог голову просунет.

А пить все больше хочется. Я прижал ухо к самой стенке полога, слушаю, — может быть, он близко где-нибудь. Нет, далеко грызет, в том углу, где мясо лежит.

Я тогда полог чуть-чуть приподнял и посмотрел одним глазом — темно, ничего не видно. Я взял светильню и выставил ее из полога. В шатре светло стало.

Смотрю — по стене тень ходит, большая-большая тень, на всю стену. Спина горбом, рот зубастый, уши пушистые, вверх торчат, а хвост широкий, мохнатый, длинный — на другую стенку заходит. Думаю: какой же это зверь? Больше медведя, а уши и хвост как у лисицы, а рот как у волка. Самого-то зверя я еще не вижу, а только его тень вижу.

А зверь вдруг как тявкнет, будто маленькая собачка.

Песец!

Я засмеялся и говорю жене:

«Песец!»

А жена дергает меня за руку и говорит:

«Зачем смеешься? Может, это келе песцом обернулся.

Они хитрые».

Я назад в полог спрятался. Опять испугался. Потом

подождал, подождал и еще раз из полопа выглянул, смотрю — зверь, маленький, низенький. Я крикнул на него, кулаком погрозил, а он весь съежился, еще меньше прежнего стал. Ну, тогда я выскочил в шатер, затопал ногами, закричал, а он совсем в угол забился. Тут я поймал его и обеими руками шею ему придавил. Хороший песец. Если за хвост его взять, шерсть уши покрывает. Вот какой песец. Я его потом купцу за чайник отдал».

— Хорошо ты рассказал, — живнул головой Имтеургин. — А теперь меня слушайте.

И он рассказал о том, как в метель потерялись его лучшие олени.

— Мы не знаем, — сказал он, — кто угнал наших оленей со своим стадом. Только ремни на лыжах у того человека без наставюк, и следы его в снегу были глубокие. Видно, крепкий это человек. Такой всю зиму на ногах проходит, самого большого ветра не побоится. Я тоже ветра не боялся, когда молодой был. Тоже зимой у огня не сидел, оленей пас. А теперь не могу. Мяса у нас мало, и силы у меня такой нет.

— Неверно ты говоришь, — сказал Пельпель. — Ты у нас и теперь самый сильный пастух. Даже наш Эрмечин тебя не осилит. У него и кости тоньше и жилы слабее. А вот отец его, старый Эрмечин, — тот живого оленя на себе таскал. Собачьи люди думали — на них олень идет, и не стреляли из своих ружей. А он близко к ним подойдет, сбросит с плеч оленя и с копьем на них кидается. Всех убивал, а потом на оленя садился и назад скакал. Вот какой он был воин!

— А кто же это оленей у вас угнал? — спросил у Имтеургина Тырки, молодой парень.

— Ты сам лучше знаешь, кто угнал наших оленей, — сказал Кутувья. — Ты Эрмечиновых оленей пасешь. Ваш табун за эту метель, верно, больше стал.

Все посмотрели на Тырки, а Пельпель сказал:

— Эрмечину олени шкуры теперь очень нужны ста-

ли. Он у собачьих людей много вещей берет, ножи берет, топоры берет, котлы берет, а теперь зеленую одежду на шатер взял. Много шкур должен он отдать за это.

— У него и своих оленей большой табун,— сказал Тырки.— Зачем ему чужих брать?

— Верно, большой табун,— сказал Пельпель.— Только своих оленей ему жалко. А пристанет к стаду чужой олень, он его зарежет и шкуру собачьим людям за железные вещи отдаст.

— Худо ты говоришь,— сказал Тырки,— Эрмечин все железные вещи вам раздает, себе берет совсем мало.

— Сам ты худо говоришь,— ответил ему Пельпель.— Что он нам дает? Старикку Митхиргину один топор дал, а взял у него много оленей. Старик Митхиргин теперь далеко от нас откочевал и, может, с голоду там умер.

Х. ЭРМЕЧИН

Рано утром в шатер Пельпеля вошел рослый человек в шапке из волчьего меха. Он приподнял край полога и сказал:

— Вставай, Пельпель, собачьи люди едут.

Пельпель поднялся и протер глаза.

— Собачьи?

— Да,— сказал человек в волчьей шапке,— люди приедут, начальники. Надо хорошо их встретить.

Пельпель оделся и пошел к Имтеургину. Шатер Имтеургина стоял рядом с шатром Пельпеля.

— Ко мне Эрмечин приходил,— сказал Пельпель,— собачьи люди к нам едут, говорит.

Имтеургин поставил на землю чашку с чаем и посмотрел на Пельпеля.

— Откуда собачьи люди?

— Эрмечин говорит — начальники. Встречать, говорит, их надо.

За спиной у Имтеургина лежали Кутувья и Тыллим. Оба они повернулись лицом к Пельпелю.

— Может, это тек-эрем едет?¹⁷— спросил Тыллим.—

Он всегда в это время приезжает.

— Может, и тек-эрем.

Тыллим поднялся с постели и стал одеваться.

— Ты куда?— спросил его Кутувья.

— Я к себе в шатер пойду, скажу брату: тек-эрем едет.

Тыллим вылез из шатра. За ним вышли Пельпель, Имтеургин и Кутувья.

Между шатрами по снегу ходило много народу. Все смотрели из-под ладоней на тундру.

Женщины рассказывали друг другу: двое на собаках издалека едут, железо везут, одежду везут, траву для трубок. Говорят, даром все давать будут.

— А кто это говорит?— спросил Имтеургин.

— Эрмечин это говорит, к нему один собачий человек уже приехал,— отвечали женщины.

Все пошли к черному шатру Эрмечина. У шатра стояла длинная нарта, чужие мохнатые собаки с хрустом грызли мороженое мясо.

Пельпель, Имтеургин и Кутувья вошли в шатер.

Посредине просторного шатра горели светильни, полные оленьего сала, а над ними в двух котлах варилось мясо.

В переднем углу шатра, у приподнятой стенки полога, сидели двое людей. Они пили чай. Один из них был сам Эрмечин. Он сидел совсем голый. Тело у него было потное и красное. Другой человек, тонкий, длинноусый, был одет в серую одежду с блестящими пуговицами. Он медленно потягивал чай с края блюда и после каждого глотка разглаживал усы.

Имтеургин и Кутувья сели рядом с хозяином и стянули с себя через голову рубахи.

Женщина с тугими черными косами и красным лицом, жена Эрмечина, поправила на крючке большой медный чайник.

— Смотри, это мой новый чайник, — тихо сказал Имтеургин и толкнул локтем Пельпеля.

Пельпель дотронулся до горячего чайника пальцем.

— И мой тоже, — сказал он, дую на руку, — я за этот чайник своих песцов отдал.

Эрмечин посмотрел на них и крикнул жене:

— Корми гостей чаем!

Гости стали молча пить чай. Выпили по чашке, по другой, по третьей. Хозяйка все ниже и ниже наклоняла чайник. Потом она сняла чайник с крючка и пошла набивать его снегом. Тут Эрмечин вытер потное лицо лисьим хвостом, кашлянул и сказал:

— К нам тек-эрем едет. И русский шаман тоже едет.

— С чем едут? — спросил Пельпель.

— С хорошим едут, — сказал Эрмечин. — Гостинцы везут.

— Собачьи люди гостинцев даром не дают, — сказал Пельпель.

В это время в шатёр просунулась голова Тьрки.

— Собаки бегут! — крикнул он.

Все натянули на себя оленьи рубахи и вышли наружу.

Далеко на белом снегу, как длинные червяки, извивались упряжки.

Собаки на стойбище почуяли вдалеке чужих собак и сердито залаяли. Им ответил чуть слышимый собачий визг. Потом закричали полозья нарт.

Пять нарт, пять упряжек. Уж видно, сколько собак в каждой упряжке.

— Гости приехали! — закричал Тьрки.

На передних двух нартах, привязанных одна к другой, сидели два человека в длинных кухлянках. Рядом с первой упряжкой бежал коротконогий человек в высокой

шапке и меховой рубахе до колен. Человек кричал и махал палкой.

— Хорошо бегают, сильный человек, — сказал Эрмечин. — Другие нарты далеко отстали.

Тремя задними нартами, тоже связанными вместе, управлял другой человек. Этот сидел боком на краю нарты и стучал палкой по передку. На его нартах во всю длину лежали большие мешки.

Люди со всего стойбища собрались перед шатрами.

— Той, той! — вдруг закричал коротконогий человек и, сунув палку между полозьями, остановил первую нарту.

Собаки сразу осели и ткнули морды с вывалившимися языками в снег.

Из толпы, расталкивая людей, выскочил Эрмечин. Он подбежал к передней нарте и стал стаскивать с нарты человека в пестрой кухлянке. Человек вылез, отряхнулся, потопал большими меховыми сапогами. Потом оперся рукой на плечо Эрмечина и медленно пошел в черный шатер.

Другой человек в кухлянке сам поднялся и пошел за ними.

Молодые парни со стойбища протиснулись было в шатер, но Эрмечин прикрикнул на них, и парни медленно побрели прочь.

— А я все-таки успел посмотреть на собачьих людей, — сказал Кутувья. — Совсем чужие люди. Я таких еще не видел. У одного красные заплаты на плечах, а у другого широкие рукава, шире чем мои штаны¹⁸.

— Я тоже немножко посмотрел, — сказал Тыллим, — у одного волосы короткие, у другого длинные, длиннее, чем у Кух.

Долго еще ходили парни между шатрами, и только когда начало темнеть, разошлись по шатрам.

Тихо стало на стойбище. Только у шатра Эрмечина долго еще копошились приезжие люди. Они переносили с нарт в шатер большие мешки с толстыми, тугими боками.

XI. СОБАЧЬИ ЛЮДИ

— Слушайте, оленные!— сказал на другое утро человек с красными заплатами на плечах.— Большой царь, начальник солнца, вам подарки прислал. Вот они лежат.

Человек показал на кучу кожаных мешков.

— Мешки вчера больше были,— сказал Имтеургин.— За ночь тощие стали. Одна кожа осталась.

Человек с красными заплатами на плечах вдруг замолчал и посмотрел на Имтеургина.

— Ты худое говоришь,— сказал он.— Думаешь, мы себе взяли?

— Может быть, и себе взяли,— сказал Кутувья из-за плеча отца.— Мешки вчера больше были.

— Это кто там языком трясет? А ну-ка, поди сюда!— закричал человек с красными заплатами.

Но в это время другой гость, человек с широкими рукавами, вышел вперед и поднял вверх медную палку с поперечиной. Он махнул этой палкой вверх, вниз, направо, налево и зафудел толстым голосом, как медведь из берлоги.

Женщины попятились от всего и спрятались за спины мужчин.

Но человек с широкими рукавами опустил медную палку. В это время коротконогий вынес из шатра деревянный ящик и поставил его на нарту.

Человек с широкими рукавами вытащил из ящика блестящую одежду и надел на себя через полову. Потом вынул из ящика пестрые доски и медную чашку на трех длинных цепочках. Чашку он передал коротконогому, а доски расставил на нарте, прислонив к мешкам.

— Смотрите, смотрите!— закричали женщины.— У него с досок люди глядят. Глаза круглые, лица длинные.

Человек в блестящей одежде приложился к каждой доске губами. Потом взял у коротконогого медную чашку с цепочками.

Из чашки поднялся синий дым.

— Худо пахнет, — сказал Каравья, отворачиваясь. — Будто нерпичью кожу палят.

Имтеургин потянул носом воздух и сказал:

— Так горностай воняет, когда в ловушку попадет.

Человек в блестящей одежде взял чашку за концы цепочек, замахал ею перед собой и громко запел.

— Толстый у него голос, в уши лезет, — сказали женщины. — А вот одежда у него хорошая. Где такую взял? Может, у его оленей такая шкура светлая.

А человек все еще махал чашкой. Он поворачивался к людям то спиной, то лицом, медленно ходил перед ними взад и вперед, кланялся, и все время громко пел.

А когда он переставал петь, пели другие гости: человек с красными заплатами на плечах, коротконогий человек и рыжий гость из зеленого шатра. Рыжий гость стоял в стороне, голова у него была обвязана платком, а из-под платка торчал пучок красных волос. Он пел тонким, как у женщины, голосом, а другие двое пели громко и хрипло.

Потом все опустились на колени, ударились головой в самую землю и встали.

Человек в блестящей одежде опять поднял свою палку с поперечиной, и все гости один за другим потерлись об его палку бородами. После этого он снял с себя блестящую одежду, спрятал ее в ящик вместе с досками и чашкой и ушел в шатер. За ним пошел рыжий гость.

Люди со стойбища стояли как примерзшие и смотрели ему в спину.

— Смотрите, хромает, — сказал Кутувья и показал пальцем на рыжего гостя.

— И голову себе завязал, — сказал Тыллим.

— Оленные люди! — вдруг закричал человек с красными заплатами. — Мы вам хорошие подарки привезли. Бери, что хочешь, и давай, что хочешь. Хоть волка, хоть песца, лисицу, выдру, бурого медведя, белого медведя. Все давай, и подарки бери. Кто первый?

— Я буду первый — Тавринват! — сказал старик в мохнатых волчьих штанах и в рубахе из красного сукна.

Он выволок из ближнего шатра широкую, светлую как снег шкуру белого медведя и ловко бросил ее рядом с нартой. Шкура легла, распластав лапы.

Человек с красными заплатами на плечах присел на корточки, погладил высокий, густой мех и сказал:

— Выбирай подарок.

Тавринват наклонился к нарте и вытянул из кучи товаров бутылку с голубоватой водой.

— О-хо-хо! — закричали сзади. — Тавринвату всегда удача.

Тавринват спустил бутылку к себе за воротник и стал опять шарить. Вытащил большой медный котел и, переваливаясь с ноги на ногу, отошел в сторону.

— Вот жадный волк! — закричали сзади. — Дал одну шкуру, а взял два подарка.

За Тавринватом к нарте подбежал его сын Ляты и бросил на снег двух длинношерстных песцов.

Ему досталась за это плитка чая и большая голова сахарау.

Потом пришла жена Тавринвата — бросила на нарту шкуру бобра, темную, с золотыми щетинками, и взяла большую ржавую сковороду.

Женщины окружили жену Тавринвата и стали рассматривать снизу и сверху железную посуду.

Пельпель долго смотрел на нарту с подарками, потом дернул Имтеургина за рукав и показал ему пальцем на толстую связку черного листового табаку. Она лежала на самом краю нарты.

— Вот это бы взять.

Пельпель запустил руку к себе за ворот, вытащил оттуда шкуру красной лисицы и шагнул к нарте.

Но дорогу ему загородил Тавринват. Он нес охапку звериных шкур.

— Я все беру! — сказал Тавринват громко и швырнул

на снег ворох песцов, выдр, рысей, росомах. Шкурки разных цветов — белые, черные, пятнистые, желтые — улеглись на снегу пестрой пушистой кучей. Тавринват взял с нарты весь табак — три связки, весь чай — пять плиток, все чашки, кастрюли, весь сахар, все пряники. Тавринват нагрузил подарками сына, дочь, жену, а сам обмотался цветными платками, связками баранок, нитками стеклянных бус и мотками шелковых лент. Вся семья медленно пошла домой, звеня чашками, громыхая кастрюлями, позвякивая бусами.

Пельпелю достался только кусок сахару, Тыллиму — связка баранок, жене Каравьи — ситцевый платок.

Когда весь народ разошелся, у нарт остался только человек с красными заплатками и Эрмечин.

Они сидели на корточках и разбирали звериные шкуры: песцов клали к песцам, волков к волкам, рысей к рысям.

ХII. ДВА АРКАНА — ОЛЕНЯ В СЕРДЦЕ

На тундре за стойбищем все еще толпился народ. Вдруг из переднего ряда выбежал вертлявый парень и запрыгал на месте.

— Тырки, старайся! — крикнули из толпы.

Парень наклонился вперед и, как бы протыкая головой воздух, поскакал к шатру.

— Кутувья, хо! старайся!

Кутувья тоже нагнулся и большими прыжками помчался вслед за Тырки.

Тырки увильнул в сторону, но Кутувья успел схватить его за пояс.

— Хорошо бегают Кутувья, — сказали старики, — быстрее, чем росомаха!

Из толпы вышел Тавринват. Он помахал длинным копьем с наконечником из ножной кости оленя и крикнул:

— Кто против меня?

— Я! — сказал Имтеургин. Он вышел вперед и стал перед Тавринватом.

Толстый и коренастый Тавринват и высокий Имтеургин стояли друг перед другом.

Тавринват чуть-чуть попятился и сказал грубым голосом:

— Длинный аркан — человечья голова!

— Пускай длинный аркан.

Имтеургин растянул на снегу аркан, снял с себя росо-машью шапку и у самого конца аркана положил ее на снег.

Тавринват нацелился и метнул копье. Оно воткнулось в снег, не задев шапки.

— Не попал! — сказал Имтеургин. — Теперь ты клади шапку.

Тавринват положил на снег свою пушистую бобровую шапку, сшитую из целой шкурки.

Имтеургин вытащил из сугроба копье, отошел на свое место и метнул. Копье проткнуло самую макушку шапки Тавринвата и закачалось в снегу вместе с шапкой.

— Хо! — загудели люди. — Пробил голову Тавринвату. Наверно, ему недолго жить осталось.

Тавринват переступил с ноги на ногу, сбросил с себя меховую рубаху, покрытую красным сукном, и закричал:

— Два длинных аркана — оленя в сердце!

Парни два раза растянули на снегу аркан и там, где второй раз кончился аркан, распялили на кольях черную оленью шкуру.

Потом они быстро отбежали в стороны.

Тавринват метнул копье. Народ зашевелился, засмеялся. Копье перелетело через шкуру и зарылось в снег.

Имтеургин поглядел на Тавринвата. Тавринват стоял весь черный, руки у него тряслись.

— Мне теперь бросать, — сказал Имтеургин и вырвал из снега копье.

Он стал на свое место, отвел назад правое плечо, выставил вперед левую ногу и замахнулся.

Копье, чуть дрогнув налету, ударилось в оленью шкуру. Пробило шкуру насквозь в том самом месте, где у живого оленя сердце.

Толпа задвигалась, а Тыллим выскочил вперед, перекувырнулся на снегу перед Тавринватом и запрыгал на одной ноге, показывая язык.

— погоди, еще не кончили! — закричал Тавринват.

Он поднял копье и что есть силы метнул в Имтеургина. Имтеургин поймал копье и повернул его острием к Тавринвату.

Тавринват кинулся к своему шатру.

Имтеургин смотрел сзади на его голые лопатки и мохнатые штаны и смеялся. А потом махнул рукой и сказал:

— Пусть бежит, мышинное сердце.

Тут он разломал Тавринватово копье о колено и бросил обломки на красную рубаху, оставленную Тавринватом.

ХІІІ. ПРАЗДНИК В ТУНДРЕ

Эрмечиновы пастухи отбили от хозяйского оленьего стада десять крупных быков и пригнали к шатрам. Здесь люди стойбища стали ловить быков арканами.

Олени храпели и бегали от шатра к шатру, бросались из стороны в сторону, выбивая копытами снежные комья.

Вдруг большой черный олень уткнулся носом в снег и наставил на людей острия рогов. Люди расступились.

— Большой Рог! — закричал Имтеургин и побежал к нему навстречу.

Олень круто повернул рога, которые торчали и вверх, и вниз, и в стороны.

Но Имтеургин не испугался. Он подошел к оленю сбоку и пощекотал его за ухом.

Большой Рог фыркнул и медленно опустил рога на спину.

— Хватай его, пока он смиренный!— закричали люди вокруг.

Олень скосил на них красные глаза и опять опрокинул рога вниз.

— Не бойся, Большой,— сказал Имтеургин и погладил оленя по шее.— Я не дам тебя чужим резать.

— Хватай!— опять закричали люди, и вдруг свистнула длинная веревка. Это ременный аркан опутал кривые рога оленя. Олень встал на дыбы и, взмахнув передними ногами, опрокинулся на спину.

— Мой олень! Я не дам его резать!

Имтеургин выхватил из ножен нож и ударил по аркану.

Аркан распался надвое, а Имтеургин с ножом в руке бросился на Тырки, который все еще держал в руках обрезок аркана.

Тырки замахал руками и пустился бежать.

Бежал он по снегу большими скачками и все оглядывался.

За ним гнался теперь не один Имтеургин. С разных сторон бежали Кутувья, Каравья, Тыллим.

Тырки доскакал до черного шатра и нырнул под пушистую полу Эрмечинова дома.

Там перед горячими светильнями хозяева и приезжие гости пили чай. Не успел Тырки спрятаться за спиной у Эрмечина, как в шатер ворвались Имтеургин, Каравья, Кутувья, Тыллим и парни со стойбища.

Перепрыгнув через горящие светильни, поймали они Тырки и повалили его прямо на расставленные на полу чашки с чаем, на посуду с олениной и мостальгой.

— Мей!— закричал Эрмечин. Он швырнул на землю свое блюдо с чаем и вскочил на ноги. Осколки раскрашенного блюда и брызги чая так и разлетелись пылью во все стороны.

— Мей! — закричал еще громче Эрмечин.

Приезжие гости тоже побросали свои чашки и прижались к стенкам шатра.

Одна свечильня перевернулась и погасла, в другой огонь закачался как под ветром.

Длинноволосый гость что-то быстро забормотал и вытянул из-под ног Кутувьи полу своей широкой одежды.

— Ты зачем моих оленей режешь? — крикнул Имтеургин, размахивая ножом у самого лица Эрмечина.

— Я не знал, что это твои, — сказал Эрмечин, отводя руки Имтеургина. — Они сами по тундре ходили, без пастуха ходили. Я бы не взял, так волки бы их съели.

— Сам ты волк! Моих оленей все знают. Отдай моих оленей назад!

Эрмечин покашлял и сказал:

— Я не волк. Бери из моего табуна столько оленей, сколько у тебя пропало.

— Возьму, — сказал Имтеургин. — Кутувья, Тыллим, пойдем в табун!

Он хотел было повернуться к выходу, но его удержал Эрмечин.

— В моем шатре большой праздник, — сказал он, — у меня хорошие гости, — ты тоже будь моим хорошим гостем.

Имтеургин посмотрел на своих и сказал:

— Самы идите, домой идите, а я потом приду.

Высокая краснолицая женщина с тугими черными косами вышла из полога. Она поправила огонь, подобрала с земли осколки, разостлала на большой доске шкуру нерпы и поставила на нее новую посуду.

Приезжие гости опять уселись вокруг чайника. Имтеургина Эрмечин усадил рядом с собой и стал угощать жирным мясом. Купец посмотрел на Имтеургина, усмехаясь достал из ящика полную бутылку и налил в чашку царской воды.

Первым опрокинул чашку длиноволосый. Он пил, от-

кинув голову назад и закатив глаза. А когда выпил, кинул в рот кусочек оленины, пожевал и вздохнул.

После него пил рыжий гость. Он выпятил губы и, приложив к ним чашку, стал тянуть маленькими глотками.

Человек с красными заплатами на плечах широко открыл рот, вылил в него все, что было в чашке, и крепко зажмурился.

Потом чашка дошла до Имтеургина. Он понюхал водку, покосился на рыжего и отставил чашку в сторону.

— Пей! — сказал Эрмечин. — Хорошая вода, крепкая, сам русский царь ее пьет.

Имтеургин не брал чашки.

— Пей! — сказал еще раз Эрмечин. — Ты у меня гость, я тебе оленей отдаю.

Имтеургин выпил и долго после этого сидел с раскрытым ртом.

А гости и Эрмечин хватали мясо, совали его в рот большими кусками, о чем-то говорили и смеялись.

— Эрмечин! — вдруг крикнул Тюрки, приподняв шкуру у входа в шатер. — Иди быков колоть.

Эрмечин поднялся. Он потянул за руку Имтеургина, и они вдвоем вышли из шатра. Недалеко на снегу топтались олени.

Олени стояли в два ряда — головой к голове. У каждого оленя рога были опутаны и прикручены арканом к рогам другого оленя. Возле оленей вертелся маленький человек в черной росомашьей шкуре.

К Имтеургину подбежал Кутувья.

— Отец, это наши олени! — сказал он. — Вот наш Красный Глаз, вот Пестрая Лапа, а вот Кривой Хвост — все тут наши.

Но Имтеургин не слушал сына. Он схватил за плечо маленького человека в росомашьей шкуре и крикнул:

— Мей, шаман, коли оленей!

Шаман высвободил руку из-под шкуры и подошел к оленям.

Он повернулся лицом к восходу солнца, присел на корточки и зашептал что-то.

Потом пощупал у оленя жир за ухом, пощупал хребет, опять что-то пробормотал и всадил оленю в бок длинный костяной нож.

Так одного за другим заколол он всех оленей, связанных рогами вместе.

Тут из шатров вышли женщины с ножами и котлами. Они развели большие костры из сучьев и прошлогодних засохших рогов.

Когда костры разгорелись, женщины стали свежевать оленьи туши и бросать пахучее, красное мясо в котлы.

— Мей! — кричал Эрмечин, — идите печенку есть!

Мужчины, женщины и дети собрались вокруг костров и стали есть сырую печенку, сердце, почки и жилы оленей.

Имтеургин и Эрмечин поделили между собой жирную почку оленя. Они взяли ее с двух концов, разрезали по середине и каждый запихал себе в рот по большому куску.

— Жирно, — сказал Эрмечин.

— Хорошо, — сказал Имтеургин.

Пельпель и Каравья ели, захлебываясь, черную оленью печень, а Кутувья и Тыллим жевали сухожилья, сдирая их с задней оленьей ноги.

Приезжие гости тоже вышли из шатра. Они уселись у костров и стали раскалывать оленьи кости, высасывая из них жирный мозг.

А толстый коротконогий гость с первой упряжки подгащил к себе целую оленью голову с крючковатыми острыми рогами, осмотрел ее со всех сторон и, выковырнув ножом левый глаз, положил его в рот.

Глаз был большой. Щеки у гостя раздулись. Он стиснул зубами упругое глазное яблоко, но оно только скользило во рту.

Раздавить его было трудно. Гость придержал его пальцем и сдвигал языком и зубами.

Оно расплющилось, лопнуло и разлилось во рту соло-

новатой жидкостью. Коротконогий гость громко глотнул, облизал волосы над тубой и пошатываясь встал. Он был пьян.

— Бороться буду!— сказал он, расставив руки.— Выходи кто сильный!

И, не дожидаясь ответа, он сбросил с себя меховую рубаху и другую рубаху, серую, суженную. Тело у него было белое, мохнатое, а круглая голова плотно сидела на крепкой складчатой шее.

— Ну, кто же бороться хочет?— опять спросил он и похлопал себя по груди и плечам.

— Мей,— сказал Эрмечин,— выходите скорее. Гостю холодно дожидаться.

Люди стояли и молча смотрели на человека с толстой шеей.

— Кутувья, выходи!— вдруг закричал старый Тавринват.

Кутувья не ответил.

— Что, боишься?— спросил Тавринват.— Мышку съел?

Кутувья молча посмотрел на отца.

Имтеургин сидел у костра и глядел себе на ноги.

Он еле махнул рукой и, не поднимая головы, сказал как во сне:

— Выходи, Кутувья. Ты его в снег вали!

Кутувья вышел вперед. Он оглянулся по сторонам и стал медленно снимать рубаху.

Гость ожидал его с протянутыми вперед руками.

XIV. РУЖЬЯ И КОПЬЯ.

Не успел Кутувья упереться ногами в снег, как толстый гость подскочил к нему и схватил его за плечи. Кутувья откинулся всем телом назад, и, ухватив толстого сзади за ремень штанов, приподнял над землей.

— Хорошо, Кутувья!— крикнули люди.— Вали его скорее!

Кутувья метнул толстого в одну сторону, потом метнул в другую, но вдруг сам покачнулся и стал валиться на снег.

Сбоку на его ногу нажимала тяжелая крепкая нога.

Кутувья упал на живот. Толстый повалился вместе с ним, ухватил его за волосы и за подбородок и стал крутить ему голову. Что-то хрустнуло, и лицо Кутувьи повернулось кверху.

— Худо боролся казак, ногу подставил!— закричали люди.— Пускай снова начинают!

Толстый медленно поднялся и не оглядываясь пошел в шатер Эрмечина.

— Вставай, Кутувья!— крикнул Пельпель.

Кутувья не встал.

Из носа и изо рта у него текла кровь.

Пельпель присел около него на корточки, пошевелил его голову и сказал:

— Шея совсем мягкая стала.

— Убить толстого! Зачем худо боролся!— закричали люди.

— Кого убили?— спросил Имтеургин, с трудом поднимаясь на ноги.

Но никто ему не ответил.

Люди бросились к шатру Эрмечина. Впереди всех бежал Тыллим.

— Стойте!— закричал Эрмечин.— У гостей худые ружья, сразу убивают! Нам беда будет!

Он стал перед медвежьей шкурой и загородил вход в шатер.

Тыллим ударил его плечом и рванул медвежью шкуру. Шкура упала ему на голову.

Из шатра высунулся гость с красными заплатами на плечах. Он выставил дуло ружья и что-то громко крикнул. Люди попятнулись и вдруг, повернув к нему спины,

разбежались во все стороны. Только один Эрмечин остался у входа в шатер.

— Они за копьями побежали, — сказал он гостю, — вас всех перебьют.

Гость быстро обернулся и крикнул своим:

— Готовь собак! Едем!

Из шатра разом выскочили все гости. Они кинулись за шатер и стали быстро отвязывать собак от ременных петель. Испуганные собаки завыли, заметались, перепутали потяги и вцепились друг другу зубами в шерсть.

— Поть! Поть! — кричали гости. Они изо всей силы дергали и перебрасывали собак в разные стороны.

Потом привязали потяги к нартам и, найдя вскакивая на нарты, понеслись прочь от шатров.

Тут выскочили из шатров люди стойбища. В руках у них были копья, ножи, палки. По двое и по трое они бросились наперерез нартам.

Но на первой нарте приподнялся человек с красными заплатами и выстрелил прямо в Тыллима.

Тыллим шарахнулся в сторону и метнул в нарту копье. Копье не долетело. Нарта уже была далеко.

— Лови задних! — закричали люди и бросились к последним нартам.

Имтеургин, Пельпель и Каравья окружили нарты, на которых сидели коротконогий и тощий. Но один за другим ударили два выстрела. Так и дрогнула от грохота тундра. Люди прыгнули в сторону. И не успели они поднять копья, как опять загрели выстрелы.

Люди побежали назад к шатрам. Только один Имтеургин по-прежнему гнался за нартой.

Вдруг он остановился и изо всей силы метнул копье. Коротконогий ткнулся лицом в нарту, а сосед его громко закричал и выстрелил в воздух.

Испуганная стрельбой и криком упряжка рванулась вперед и скрылась в облаках снега

XV. В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ

Из шатра Эрмечина вышел маленький человек в росомашьей шкуре, помахал рукой и крикнул:

— Идите сюда! Отправлять Кутувью будем.

— Это шаман кричит, — сказал Каравья, — пойдём.

Тыллим, Пельпель и другие люди стойбища, тихо ступая, подошли к Кутувье. Возле Кутувьи уже сидели Имтеургин, Кух, Рультайна и жена Каравьи. Все они сидели молча, и только у женщин дергались плечи.

Шаман подошел к Кутувье, приподнял его голову и повернул вправо и влево. Потом вытащил из-за пояса костяной нож, забормотал что-то и проткнул горло. На руку шамана потекла темная кровь.

Шаман вытер руки снегом и сказал:

— Кутувья! В дальнюю дорогу иди, оленей на небе паси. Пусть у тебя много пестрых оленей будет. Нашим старикам наверху скажи: пускай хорошее лето нам дадут.

Люди слушали шамана и смотрели на мертвого Кутувью.

А когда шаман замолчал, все тихо разошлись по шатрам.

Погасла заря, и на небо вышла большая круглая луна. Люди стойбища спали в своих шатрах.

А погасшие костры все еще дымились. Над ними висели остывшие котлы с оленьим мясом.

У костров стояли Имтеургин, Тыллим, Каравья и Пельпель. Они вытаскивали из котла вареное мясо, резали его тонкими кусками и накладывали на тело Кутувьи.

Когда все тело было обложено вареным оленьим мясом, Имтеургин, Каравья, Пельпель, и Тыллим тоже разошлись по своим шатрам. Кутувья остался один на снегу среди чужого стойбища под большой луной.

С рассветом люди снова вышли на снег. С ними вместе вышел Имтеургин.

У котлов они увидели целую стаю опромных лохматых собак. Собаки совали морды в котлы и, прыга друг на друга, растаскивали остатки вареного мяса. А другие собаки окружили тело Кутувьи. Они щелкали зубами и осторожно отрывали от тела кусок за куском.

Большая собака с разодранным ухом грызла Кутувье правую ногу.

Другая собака, остромордая, уперлась в плечи Кутувьи передними лапами, а морду уткнула в глубокую дыру, которую прорезал в горле нож шамана.

— Пусть скорее съедят Кутувью, — сказал Имтеургин, — это хорошо. Он скорее на небо пойдет¹⁹.

— Да, он к верхним людям пойдет, это хорошо, — сказали Каравья и Пельпель.

Скоро на том месте, где вчера горели костры, остались только обглоданные олени и человечески кости да клочья серой и черной шерсти.

— Это собачья шерсть, — сказал Пельпель. — Дрались собаки, верно.

Люди со стойбища стали перебирать разбросанные кости, оглядывая каждую. Человечьи кости они откладывали в сторону, а олени выбрасывали.

Имтеургин вместе с другими собирал кости Кутувьи. Когда костей набралась целая куча, Имтеургин, Каравья и люди стойбища отнесли кости на тундру. Там шаман разложил их по порядку: сначала череп, потом хребет, по сторонам руки, а в самом низу ножные кости. Рядом с костями положил рога оленей, убитых вчера, нарту с переломанными полозьями, одежду, разрезанную на лоскутья, кривой костяной нож и каменный топор²⁰.

— Пыле урым! — сказал шаман. — Хорошо наверху живи, нам удачу дай.

— Пыле урым! — сказали все.

Люди еще потоптались на снегу, посмотрели на кости и пошли назад к стойбищу.

Вернувшись на стойбище, Имтеургин, Каравья и Пельпель пошли в черный шатер Эрмечина.

Эрмечин сидел в пологу один. От царской воды у него болела голова.

— Отдай моих оленей!— сказал Имтеургин, садясь у светильни.

Эрмечин взял из чайника щепотку твердого снега, пожевал, потер лоб и сказал:

— Твоих оленей вчера съели.

Имтеургин посмотрел на Каравью и на Пельпеля и сказал:

— Пускай съели. Мне других давай.

— Он верно сказал,— заговорили разом Каравья и Пельпель.— Ему других оленей надо дать.

— Мне не жалко,— сказал Эрмечин.— Только его оленей вчера съели.

Тут Эрмечин поднялся, снял со стены длинную кривую трубку с медными насечками, запихал в нее крошечного табаку и стал курить.

Долго курил он трубку. То затягивался, то выпускал синий дым через обе ноздри, то кашлял и плевался, то переводил трубку из одного угла рта в другой.

Потом выколотил пепел из трубки на ладонь и пересыпал себе в рот.

— Твоих оленей мы вместе съели,— сказал он, проглотив пепел.— Праздник у нас был. И ты сам ел мясо, и жена твоя ела. А все рога оленьи вокруг твоего сына положили. Не мне ты своих оленей отдал, а сыну своему Кутувье.

Имтеургин, Каравья и Пельпель молча посмотрели друг на друга. Потом они все разом поднялись и вышли вон из шатра.

Имтеургин и Каравья пошли в одну сторону. Пельпель пошел в другую.

— Пускай не отдает оленей. Мы теперь вместе кочевать будем,— сказал Каравья Имтеургину.

— Нет,— сказал Имтеургин,— я один покочую.

— У тебя мало оленей, сосед. Как ты кочевать будешь?

— У меня мало оленей, так я охотиться буду.

Они подошли к шатру Каравья.

— Тыллим!— крикнул Каравья.

Из шатра высунулась голова.

— Тыллим,— сказал Каравья.— Мою пару запряги для Имтеургина, твою пару запряги для Рультыны. Еще двоих оленей запряги для Кух. Они одни кочевать хотят.

— Ы!— сказал Тыллим,— хорошо!

Пока мужчины запрягали оленей, женщины разобрали шатер и сложили его вместе с домашними вещами на нарты. Потом все сели у ямы, над которой раньше стоял шатер, и стали натягивать на головы шапки, а на руки большие мохнатые рукавицы.

Имтеургин тронул Кух за локоть и сказал:

— Может, оставим Тынатваль у соседа? Без Кутувьи как кормить ее будем?

Кух вытерла рукавом глаза и сказала:

— Пусть остается.

— Каравья,— сказал Имтеургин,— Тынатваль себе возьми, пусть она у тебя растет.

Жена Каравья подняла девочку на руки и понесла в свой шатер. Тынатваль положила голову ей на плечо и заплакала.

Упряжки тронулись. Тыллим и Каравья шли следом.

Они проводили кочевье Имтеургина до самого края стойбища и остановились.

— Весной у Рогатого озера встретимся,— сказал Имтеургин.

— Ладно,— сказал Каравья,— до весны я буду у Пупозера кочевать.

Когда упряжки отъехали, Кух свесилась с нарты, повернула назад голову и крикнула:

— Тынатваль хорошо корми, сосед, пускай большая растет!

XVI. ПУСТАЯ ЗЕМЛЯ

Имтеургин весь конец зимы кочевал по краю леса, искал следы зверей. Но все звери и птицы спали, зарывшись в снег. Имтеургин, с копьем в руке и с уткучинами за спиной, бродил по целым дням между маленькими, засыпанными снегом деревьями, заглядывал в кусты ерника, разрывал снежные бугры, но звериного следа не находил.

Кругом лежал снег, облизанный ветром, ровный и гладкий.

— Пустая теперь земля, — говорил Имтеургин, — нет зайца, нет куропатки. Как жить будем?

Кух крошила каменным молотком старые оленьи кости, варила их и отваром кормила людей.

Когда у людей стало темнеть в глазах от голода, Имтеургин поймал одного из своих упряжных оленей и заколол его.

Люди поели мяса, и в глазах у них опять посветлело.

Кух разрежала оленя по суставам, отделила ребра, лопатки, стегно, хребет, шею, голову и ноги, и все это заморозила. Кровь она налила в желудок, наполненный еще не переваренным мхом, и зарыла его в снег. А кишки собрала вместе, выдавила из них помет и положила их в отдельную кучу.

После этого много дней в шатре была еда. Каждый день Кух брала замороженный кусок оленины и варила.

А Имтеургин все время бродил по краю леса. Охота была пустая, — зверь еще не вышел из логовища.

Когда кончилось мясо, Кух откопала оленьи кишки, разломала их на кусочки и сварила. На другой день она разрубил желудок и сварила из него похлебку.

В тот раз Имтеургин вернулся домой поздно вечером.

Ноги у него распухли от ходьбы. От голода все качалось перед глазами. Семья расселась в йоронге около светильни. Посредине Кух поставила чашку с похлебкой из

мха, который был в оленьем желудке, из крови и мелко нарезанных кусочков желудка.

Имтеургин зачерпнул короткой костяной ложкой варено и поднес его ко рту. Понюхал, попробовал и, зажмурив глаза, сразу опрокинул ложку в рот. Потом еще. Потом выскочил из шатра, сгреб руками снег и стал набивать его в рот.

— Худая еда, — сказал Имтеургин.

Этим варевом семья питалась несколько дней. А потом опять сидела без еды.

Убили еще одного оленя.

— Оленей у нас совсем мало осталось, — сказал Имтеургин, — меньше, чем на одной руке пальцев. Как жить будем?

— Может, людей поищешь? — сказала Кух.

— Верно ты говоришь, — сказал Имтеургин, — я людей поищу.

Он запряг двух оленей, двух остальных привязал сзади и поехал на тундру, искать людей.

XVII. ЧУЖОЙ ОГОНЬ

Ехал Имтеургин целый день. Остановился только вечером, когда не стало видно кустов и деревьев, попадавших в пути.

Тогда он распряг оленей и привязал их на длинный ремень. Олени стали копать снег и есть курчавый белый мох. А Имтеургин крепче натянул на голову шапку, вырыл в снегу яму и залез в нее.

В снегу было теплее, чем наверху. Имтеургин немного поспал. Потом у него заоченели от холода руки и ноги. Он выбрался из ямы и начал скакать на месте. Он скакал то на одной ноге, то на другой. Скакал как заяц, держа ноги вместе, и как лось, выбрасывая одну ногу за другой.

А когда немного согрелся, опять закопался в снег. Поджав под себя ноги, просидел в снегу до тех пор, пока не наступило утро.

С рассветом он опять запряг оленей и опять тронулся в путь.

Дорога шла между засыпанными снегом кустами, в обход глубоких сугробов и редких деревьев.

После второй и третьей ночевки без огня в снегу, Имтеургин совсем заоченел.

Его одежда покрылась тяжелой коркой льда. Шапка, воротник и прудь меховой рубахи обросли колючим инеем. Иней все густел, тяжелел и расползался по одежде вверх и вниз белыми пятнами.

Рукавицы, меховые чулки и рубаха затвердели и царапали тело.

Имтеургин попробовал соскочить с нарты, хотел пробежаться по снегу, но ноги не гнулись в коленях. Он прошел несколько шагов и опять повалился на нарту.

Лежа, он стал колотить руками и ногами о края нарты, но пальцы на руках и ногах стали такие твердые, что он даже не чувствовал боли.

Имтеургин притих. Полежал не двигаясь. Потом поднял голову и осмотрелся кругом.

По всей тундре бело — нигде ни шатра, ни дыма.

Земля будто уходит покато вверх и там становится небом.

— Верно, замерзну, — подумал Имтеургин. — Верно, так и не найду людей.

Вдруг олени подняли головы, захрапели и понеслись.

— Волки, должно быть, — подумал Имтеургин, — тут Брюхатое озеро, тут людей нет, а волков много.

Но олени выбежали на истоптанный снег.

Имтеургин протер глаза, сорвал с ресниц льдинки и увидел дым.

Олени побежали быстрее. Они остановились у черного шатра из пушистых оленьих шкур. Рядом на спаренных

нартах стоял зеленый шатер. От одного шатра к другому ходила толстая серая собака с черным загривком.

— Это Эрмечиновы шатры,— сказал Имтеургин своим оленям,— я к Эрмечину не заеду.

Он дернул поводья, хлестнул оленей ремнем и проехал мимо.

Скоро исчезли следы людей и следы оленей. Имтеургин выехал на нетоптанный снег.

— Кто теперь рядом с Эрмечином живет?— подумал он.— Может, Тавринват. К Тавринвату тоже не заеду.

Мороз еще сильнее прохватил Имтеургина. На бровях и ресницах повисли тяжелые льдинки.

И вдруг опять запахло дымом.

Имтеургин крикнул на своих оленей и снова погнал их на дым.

Черный шатер на снегу. Рядом с ним зеленый шатер. Оба теплом дымятся. Серая собака с черным загривком от шатра к шатру бегает.

— Назад вернулись, дохлые!— закричал Имтеургин на оленей.— Отдыхать хотите? К Эрмечину меня притащили!

Он хотел повернуть оленей обратно, но олени не послушались. Они стали кашлять и копать снег.

Имтеургин слез с нарты и бросил поводья на землю.

— Ну, отдыхайте,— сказал он оленям.— Я только руки у чужого огня попрею, иней с рубахи стряхну. А потом и дальше поедем.

У входа в черный шатер на Имтеургина набросилась собака. Имтеургин отшвырнул ее и вошел в шатер.

Высокая женщина с тугими черными косами, жена Эрмечина, стянула с Имтеургина шапку, сапоги и рубаху, сбила палкой приставший к одежде лед и повесила все это сушить. Потом подала гостю чай и вареное мясо.

Горячий чай разошелся по всему телу Имтеургина. Руки и ноги у него стали слабые, и он, не доев мяса, свалился и захрапел.

Проснулся только на другой день.

В переднем углу шатра сидел Эрмечин. В руке он держал ножную оленью кость, стучал по ней ножом, раскалывал и ел мозг.

— Йэтти! Пришел?— сказал Эрмечин, протягивая Имтеургину кость.

— Ы!— сказал Имтеургин, — пришел!

Он взял кость и, разламывая ее ножом, стал есть жирный мозг.

Женщина подала им горячую еду. Они съели по два оленьих языка, по большому куску грудины. Потом женщина налила им чай. Они выпили много чашек чаю, а перед каждой чашкой ели мороженую печенку.

После еды хозяин и гость закурили.

— Хорошо кочуешь?— спросил Эрмечин.

— Худо кочую,— сказал Имтеургин, — не стало удачи.

Эрмечин покачал головой и затянулся табачным дымом, потом спросил:

— Может, оленей надо?

— Ы, оленей надо.

Эрмечин и Имтеургин выкурили еще по трубке.

— Давай, вместе кочевать будем,— сказал Эрмечин.

Имтеургин не ответил, только крепче прикусил трубку.

Эрмечин взял его за локоть и сказал:

— Соседями будем. Ты хороший пастух.

— Ы-ы!— сказал Имтеургин и встал.

Он вышел из шатра и пошел искать своих оленей.

Они были близко, в Эрмечиновом табуне. Всех четырех можно было сразу узнать: они были самые тощие среди оленей,— ребра у них так и выпирали из-под кожи, бока почти сошлись, спины согнулись горбом. А один олень, самый слабый, лежал на снегу и только покачивал рогами.

Имтеургин посмотрел на него и пошел назад в шатер.

— Хорошо, — сказал он Эрмечину. — Будем соседями. Только за моим шатром съездить надо.

— Вместе поедем, — сказал Эрмечин. — Самых быстрых оленей запрягу.

После отъезда Имтеургина женщины доели остатки мяса и оленьих потрохов.

— Никогда еще так худо не было, — говорила Кух. — Прежде у нас двое мужчин было, а теперь ни одного нет.

— Твой еще вернется, — говорила Рультына. — А мой далеко живет, худые люди его убили, Эрмечиновы гости.

Рультына плакала и вытирала мохнатым рукавом щеки.

Когда вся еда у женщин кончилась, они два дня совсем ничего не ели. То и дело выходили они на тундру и, положив на снег голову, слушали, не стучат ли олени копыта. Копыта не стучали. Женщины возвращались в шатер разводили посредине шатра огонь и гадали на оленьей кости, скоро ли вернется Имтеургин и, что привезет.

Они держали высушенную оленью лопатку над огнем и, наклонившись к ней шептали:

— Лопатка-лопатка, ты далеко ходила, много видала, много знаешь, скажи нам: в какую сторону старик наш идет и что у него на нарте лежит? Если он в нашу сторону идет, расколись наверху. Если в ту сторону идет, расколись внизу. Если грузная у него нарта, пусть большая трещина будет. А худое с ним случилось, поперек расколись.

Лопатка чернела и трескалась от жары. Женщины разглядывали каждую трещину и говорили шепотом:

— Худое с ним случилось — поперек трещина пошла.

— А, может, он чужие следы пересек?

— Может, и пересек следы, но только это худые следы. Долго наш старик не вернется. Надо самим еду искать.

На третий день Кух разрежала кожу, на которой раскладывала еду, опалила на огне и бросила в котелок.

Когда вода в котелке вскипела, Кух перелила варево в чашку и сказала:

— Давай вот это есть. Все-таки живы будем.

Женщины стали хлебать горький отвар, от которого пахло паленой кожей.

— Надо сына покормить,— сказала Кух,— а ты покорми собаку.

Рультына зачерпнула большой костяной ложкой черную похлебку и дала собаке. Собака стала жадно лакать, разбрызгивая варево, а ребенок вертел головой, захлебывался и выплевывал склизкие кусочки вареной кожи. Кух кормила его изо рта в рот.

Два дня семья питалась этой похлебкой. А когда съели всю до капли, женщины засыпали уголья костра золой, положили ребенка на шкуры, привязали рядом с ним собаку и пошли на тундру. Они шли, проваливаясь по колено в снег. У Кух из-за пояса торчал топор, а Рультына держала в руке нож.

Женщины подошли к дереву, стукнули в него топором и сразу отскочили. С дерева посыпался снег — сначала тяжелыми комьями, а потом густой пылью.

Когда пыль улеглась, Кух и Рультына снова подошли к дереву и стали сдирать с него сухую кору.

— Есть!— вдруг закричала Рультына и осторожно сняла с лоскута коры замерзшего белого червяка с маленькой черной головкой.

Женщины разломали червяка пополам и тут же съели.

Потом стали искать еще червей. Когда они ободрали дерево догола, они пошли к другому дереву, потом к третьему, потом к четвертому. Домой вернулись только вечером, когда уже нельзя было разглядеть на коре белых червей.

У шатра они остановились и стали отряхиваться.

Потом прислушались. Ребенок не плачет. Тихо в шатре.

— Я ничего не слышу,— сказала Кух,— послушай ты. Может, плачет ребенок.

— Нет, не плачет,— сказала Рультына.— Может, все еще спит,

— А может, его собака съела?

Женщины ворвались в шатер и подняли стенку полога. Рядом с маленьким Имтеургином на постели лежала собака. Ребенок сжимал губами один из ее сосков и громко чмокал.

Кух бросилась к сыну и оторвала его от собаки.

Маленький Имтеургин запищал и задрогал ногами. Отталкиваясь от матери, он тянулся к собаке.

Кух сунула ему в рот свою грудь, но мальчик откинулся и еще громче закричал.

— Грудь совсем пустая,— сказала Кух и положила мальчика обратно к собаке.

Весь вечер женщины сидели у костра, варили червей и ели мутный отвар. Ребенок спал рядом с собакой.

На другой день Кух и Рультына опять пошли на тундру. Недалеко от дома увидели они звериные следы. Маленькие такие, будто кто-то бисера сыпал.

Женщины пошли по следам и добрались до норки. Стали копать снег. Поймали мышку. Обрадовались.

Рультына ударила мышку рукояткой ножа по голове и спрятала ее у себя за пазухой. А Кух разгребла снег и стала рубить топором мерзлую землю и обледеневший мох. На дне норки она нашла кучку кореньев, грибов и ягод.

— Это мышкин дом,— сказала Кух,— мышки всегда кладут себе на зиму еду. Это их еда.

— Хорошая еда,— сказала Рультына, растирая зубами мороженые коренья.— Толстый корень мы старику оставим, а маленькому ягодки принесем. Тут брусника есть и морошка, и голубика.

— Ы-ы,— сказала Кух,— ты хорошее говоришь, старику самый большой корень оставим.

Когда женщины вернулись домой, они увидели у шатра несколько пар больших жирных оленей, запряженных в широкие новые нарты.

Видно было, что олени только что прискакали: они жадно глотали снег, и ноги у них еще тряслись.

— Это не наши олени,— сказала Кух.— Чужие приехали. Может, про старика знают?

— Вареным мясом пахнет,— сказала Рутьтына. Они вошли в шатер.

В шатре горел большой огонь, а у огня сидели Имтеургин и Эрмечин. Они курили трубки и смотрели на котелок, в котором варилась оленина.

— Мы давно сидим, вас ждем,— сказал Имтеургин женщинам.— Давайте есть мясо.

За едой никто ничего не говорил. Женщины жевали мясо, закрыв глаза, и глотали медленно по маленькому кусочку.

— Очень голодные,— сказал Имтеургин.

Когда котелок стал совсем пустой, Имтеургин поднялся и сказал жене:

— Собирай шатер.

— А куда поедем?— спросила Кух.

— К Эрмечину.

Кух и Рутьтына посмотрели на Имтеургина, потом на Эрмечина и стали молча сворачивать постель. Потом Кух подошла к ребенку и разбудила его.

— Вставай,— сказала она.— Мы сейчас далеко поедем. У чужих жить будем.

С этого дня Имтеургин стал пастухом Эрмечинова стада. Он поставил свой шатер позади хозяйских шатров и своих оленей отпустил в хозяйский табун.

К себе в шатер он теперь приходил мало — стадо давно объело и вытоптало весь мох на стойбище и паслось теперь далеко в тундре, где под рыхлым снегом еще был нетронутый мох.

Имтеургин и днем и ночью сторожил стадо.

А в шатре у него оставались только Кух с маленьким Имтеургином и собака.

Рультыны с ними не было. Рультына стала второй женой Эрмечина.

Кух качала на руках ребенка и говорила ему:

— Мы с тобой одни теперь живем. Прежде нас много было, и олени у нас свои были. Большой человек твой отец был. Первый охотник. А теперь твой отец чужое стадо па-сет. Твоя сестра Тынатваль у соседа Каравьи живет. Брата Кутувью Эрмечиновы гости убили. А Рультына в большом шатре живет, Эрмечиновы обутки сушит. Кайлекым минкри — что поделаешь!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обезножье, или копытица, — оленья болезнь. У пораженного копытицей оленя ноги по самым краям копыт распухают, а потом на ногах появляются гнойные раны. Олень уже не может ходить, у него отваливаются копыта, и он вскоре умирает.

Кроме копытицы, в тундре распространены и другие болезни оленей: чесотка, когда вся кожа покрывается болячками, костоед, туберкулез, бешенство, сибирская язва. Достаточно заболеть одному оленю, как уже заражаются все олени, которые его окружают. Поэтому погибают иногда целые стада в несколько сот, а то и в тысячи голов оленей.

² Келе — злые духи. По представлению чукоч, келе населяют небо и землю. Они враждебны людям, причиняют им всякие беды и болезни. Келе являются человеку в образе чудовищ, великанов, различных животных, в виде предметов и т. д. Келе питаются человеческими душами — увиритами. В теле каждого человека живет несколько увиритов. Келе охотятся на увиритов, убивают их и едят.

³ Спальный полог — по-чукотски «йоронга» — шьется из оленьих шкур. С виду он похож на большой опрокинутый ящик. Его устанавливают внутри шатра.

При входе в полог люди снимают с себя верхнюю меховую одежду и оставляют ее в холодном шатре, чтобы мех в тепле не отсырел. В отсыревшей одежде уже нельзя выйти на мороз — она сразу же замерзнет.

Полог сыреет от дыхания и от испарения человеческих тел и покрывается инеем. Тогда надо его снять и выколотить (его выколачивают почти каждый день). Иначе полог обледенеет, и жить в нем станет невозможно.

⁴ Светильня — по-чукотски «сек» — это деревянная или глиняная чашка, наполненная оленьим салом или нерпичьим жиром. Вместо фитиля в ней горит пучок сухого мха.

Эти светильни служат и отоплением, и освещением чукотского жилища. Горят они не ярче и не сильнее стеариновой свечи. На таком огне не легко вскипятить воду и сварить пищу.

⁵ В а ы р г а н — один из добрых духов, покровителей человека.

⁶ У т к у ч и н — самодельная ловушка. У уткучина костяные зубцы, а пружины сделаны из закрученных сухожилий оленя.

⁷ Л о л о к в ы т — набрюшник для собаки. Когда у беременной собаки выпадают волосы на брюхе, ей шьют меховой набрюшник, чтобы она не отморозила сосцы.

Для собак-самцов шьют еще напашники, ареквыт, а во время наста надевают собакам на ноги меховые сапожки.

⁸ В ы п о р о т о к — местное русское название шкуры оленьего теленка не старше одного-двух месяцев. После двух месяцев шкуру теленка называют кудряшем, а начиная примерно с четырех-пяти месяцев — пыжиком.

⁹ П р о ш л ы й с н е г , и л и п р о ш л а я з и м а , — так называется прошедший год. Чукотская зима тянется на тундре восемь месяцев. На остальные четыре месяца приходится весна, лето и осень. Месяцы у чукоч называются так: январь — упрямого оленьего быка месяц; февраль — зябнувшего оленьего вымени месяц; март — выпадения волос у оленьего вымени месяц; апрель — рождения телят месяц; май — появления воды месяц; июнь — появления листьев месяц; июль — месяц тепла; август — месяц, когда олени обдирают рога; сентябрь — месяц заморозков; октябрь — месяц холода; ноябрь — узкого мяса месяц; декабрь — узкого дня месяц (когда дни становятся короткими).

¹⁰ Л а х т а к — морской зверь из семейства ластоногих. Промыслом морского зверя — лахтака, моржа, нерпы — занимаются приморские чукчи, живущие по берегам Северного Ледовитого океана и Берингова моря. Береговые чукчи снабжают оленных людей жиром и кожей морских животных в обмен на оленьи шкуры и мясо.

¹¹ С в я з к а — т а й н г ы к у н ь — связка коротко срезанных сучков, раздвоенных с одного конца, песцовых черепов, вороньих клювов, высушенных медвежьих носов, лисьих ушей, когтей и зубов разных других зверей и хищных птиц.

Эта связка должна убивать и отгонять злых духов, подстерегающих человека на каждом шагу.

¹² С к а з к а о К а к а н к е — Эта сказка распространена по всей Колыме. Ее рассказывают детям и чукчи, и местные русские поречане, и юкагиры, и якуты.

¹³ О т р е з а т ь в е т е р . — Чукчи думают, что ветер посылают шаманы. Ветер можно остановить, отрезать заклинанием или внезапным криком.

¹⁴ С о б а ч ь и л ю д и , — так называют чукчи местных русских. В тех местах русские и ездят на собаках, и одеваются в собачьи шкуры. Иногда русских называют «гости» или «речные люди».

¹⁵ Р е м е н н ы е п е т л и — по чукотски «пурир» — опоясывают ша-

тер снаружи на высоте человеческого плеча. К ременным петлям привязывают оленей.

¹⁶ Эрмечин — по-чукотски — хозяин стойбища. В данном случае это прозвище, которое употребляется как собственное имя.

¹⁷ Тек-эрем — русский чиновник, назначенный для сбора ясака — дани царю. Так называли исправника и урядника, потому что в их обязанности входил сбор ясака.

¹⁸ Красные заплаты на плечах — красные казачьи погоны. Широкие рукава — рукава рясы священника.

¹⁹ По представлению чукоч, люди после смерти либо остаются на земле, либо переходят жить в другой мир — на небо. Но что же надо сделать, чтобы покойник попал в верхний мир? Для этого надо, чтобы его сразу же съели собаки, а еще лучше — волки и песцы. И, чтобы привлечь собак, тело покойного обвертывают оленьим мясом.

Когда чукчи кочуют по лесной части тундры, они сжигают умерших на кострах и смотрят, куда направится дым. Если дым идет прямо вверх, — значит, покойник подымается на небо, и этому очень радуются. Если же дым расстилается по земле, — значит, умерший остался внизу, где холодно, голодно и жить очень трудно.

Верхний мир, как думают чукчи, очень теплый. Там не бывает снега и метелей, и все время стоит весна, то лето, то осень. После осени наступает не зима, а весна. Там водится очень много жирных оленей, и человек может убивать их и есть мясо, сколько захочет. Собаки наверху говорят по-человечьи. Обитатели верхнего мира могут посылать их куда угодно и поручать им любое дело.

²⁰ Для того чтобы добраться до неба, нужны покойнику и олени, и нарты, и одежды, и посуда, и оружие. Поэтому все это кладут на могилу покойника. Олени также должны быть мертвые (иногда можно класть вместо оленей одни только рога), а вещи должны быть распороты по швам, разрезаны на куски, или разломаны на части.

ОДИН ИЗ ХАЛИЧАЧИ

Жизнь человека — постоянное горение. Но, при этом, одни горят вяло, тускло, почти не даря тепла окружающим, другие — ярко, светло, вдохновенно, увлекая за собой людей к самоотверженному служению своему народу. Людей последнего типа в моем народе испокон веков уважительно называют халичачи, что в переводе значит «великие люди». Халичачи были своего рода кумирами племени — молодое поколение старалось повторить их подвиги, превзойти достигнутое ими. В результате подобного заочного состязания рождались новые халичачи и вносили в жизнь народа что-то новое, доселе неведанное, облегчающее борьбу человека с суровой природой, помогающее племени не только сохраниться, но и развиваться дальше.

В детстве нам отец много рассказывал о халичачи оленинской тундры и воспитывал нас так, чтобы мы стали настоящими мужчинами-оленеводами. И в первое время все шло так, как хотелось отцу: мы целыми днями бегали за оленями, в зимние тревожные ночи пасли двухтысячное стадо. Но потом, когда нас научили понимать мысль людей по выстроившимся на бумаге буквам, мы постепенно охладели к пастушеской работе. Вскоре вместо аркана и посоха нашими постоянными спутниками стали бумага да карандаш. Тогда-то впервые мы узнали об одном знаменитом одуле¹ с верховьев Колымы. Оказалось, за свою

¹ О д у л — самоназвание юкагиров.

короткую жизнь он сделал такое, что и не снилось оле-ринским халичачи. Тэки — так звали того молодца.

Тэки... В этом слове мне слышится задумчивая, протяжная, чуть грустноватая мелодия, исходящая из уст очень уставшего и уже немолодого человека. Слушая ее, я переносусь на глухую таежную речушку, где в окружении продрогших деревцев приткнулся к земле низенький, истрепанный тордох. Не слышно ни смеха, ни песен. Только слабый дымок, выползающий из дымового отверстия шатра, говорит о том, что здесь живут люди... Да, именно в таком бедном жилье в одном из самых, пожалуй, многострадальных родов древнего племени юкагиров появился на свет Тэки. А за несколько лет до его рождения, в 1900 году, известный исследователь материальной и духовной культуры юкагиров В. И. Иохельсон вынужден был написать такие трагические строки: «Дни юкагиров сочтены... через несколько десятков лет... племя, как таковое, прекратит свое существование...» В жестоких условиях царской действительности, когда к аборигенам Севера относились как к дикарям, В. И. Иохельсон, конечно же, не мог даже предполагать, что у его знакомого юкагира через шесть лет родится сын — будущий основоположник юкагирской литературы!

Тэки... Он родился в те годы, когда надо было платить ясак в виде драгоценного меха за каждого человека в семье, в том числе и за детей. А мальчик был одиннадцатым ребенком обездоленного полунищего старика. Поэтому легко представить, какие чувства вызвало у бедного Атыляхана прибавление еще одного лишнего рта... И все же, к моменту рождения Тэки в этой несчастной семье забрезжила надежда на более сытную жизнь: старшие дети подросли и стали охотиться вместе с отцом. Но жизнь была жестока и несправедлива — оба помощника Атыляхана вскоре утонули на рыбалке. После этого страшного удара, семья по существу распалась: детей постарше родственники забрали к себе на воспитание. Со

стариками остался лишь самый младший. Он несколько лет кочевал вместе с престарелыми родителями по урочищам Колымы в поисках богатых куропатками и рыбой мест. Мальчик на себе познал, что такое постоянный голод, пронизывающий все тело холод, ночевки под открытым небом в суровые зимние ночи. Атыляхану в это время было далеко за семьдесят. Он уже не мог прокормить, обути, одеть даже семью из трех человек. С каждым днем нарастала опасность голодной смерти вдали от людей, посреди холодной, скупой тайги. И тогда отчаявшийся охотник отдает сына к чужим людям. Мальчика забирает к себе в батраки купец из Среднеколымска.

На новом месте Тэки находился в положении бесправного раба. За непосильную для подростка работу он получал лишь объедки хозяев. Вместе с тем, жизнь в городе для Тэки имела и положительное значение. Именно здесь, бок о бок работая с бедняками — якутами и русскими — он понял, что в каждом народе есть свои неимущие, только ради еды и одежды работающие на богатых. Иначе говоря, городская действительность зажгла в нем первые искорки классового самосознания, которые в будущем сыграли важную роль в выборе линии жизни.

Тэки с малых лет был весьма любознательным, пытливым, одаренным мальчиком. Это заметил хозяин и, по совету местного священника, отдал его в церковно-приходскую школу. При этом хозяином руководили отнюдь не гуманные соображения — через дьячка из коренного населения он намеревался еще больше усилить свое влияние на колымских аборигенов. Но Тэки недолго проучился в школе — исторический залп «Авроры» докатился до далекой Колымы и круто изменил судьбу подростка.

Тэки, которого сверстники знали только как Кольку Спиридонова, в числе первых вступает в комсомол и, когда остатки белобандитов на некоторое время захватили власть в Среднеколымске, одиннадцать месяцев просидел у них в плену. Все попытки выудить у него местонахож-

дение красных не дали никакого результата. Затем, улучив момент, Тэки убежал к красным и восемнадцатилетним юношей приехал в Якутск. Здесь в 1924 году он поступил в одногодичную советско-партийную школу и на следующий год, как один из наиболее способных учеников, уже став членом ленинской партии, направляется в Ленинград. Там он также проявляет недюжинные способности, в числе пяти отличников-северян участвует в работе расширенного пленума Комитета Севера и в 1927 году уезжает на Колыму с тем, чтобы на местах проверить ход социалистических преобразований. Об увиденном во время того длительного путешествия он написал очерки, которые в 1933 году вышли в Ленинграде под названием «На Крайнем Севере». В 1959 году эта книга, с некоторыми сокращениями, была переиздана в Якутске.

В 1931 году Николай Спиридонов успешно оканчивает этнографическое отделение Ленинградского университета, и, по совету знаменитого североведа, профессора В. Г. Тана-Богораза, поступает в аспирантуру Института народов Севера.

Николай Иванович с честью оправдал доверие своего учителя и в 1934 году защитил кандидатскую диссертацию по экономическим наукам. Так, благодаря мудрой национальной политике ленинской партии и своему исключительному трудолюбию, природной одаренности сын полунищего юкагира с верховьев Колымы в двадцать восемь лет одним из первых в советской Якутии, первым из представителей северных народностей стал дипломированным ученым!

В годы учебы в аспирантуре Николай Иванович, кроме своей непосредственной диссертационной темы, разрабатывал ряд малоисследованных проблем этнографического и лингвистического характера. Из них наиболее ценным до сего дня остаются статьи «Юкагиры» и «Юкагирский язык», написанные специально для первого издания БСЭ.

Н. И. Спиридонов был не только талантливым ученым, но и весьма одаренным писателем. Наиболее замечательным его произведением справедливо считается повесть «Жизнь Имтеургина старшего». Она была издана в 1934 году в Ленинграде и, как одно из лучших произведений года для детей, удостоена специальной премии комиссии, возглавляемой самим Максимом Горьким. Великий пролетарский писатель, страстно призывавший в литературу людей бывалых, прошедших суровую школу жизни, был приятно удивлен повестью молодого якутира и, по воспоминаниям писательницы Лидии Сейфуллиной, однажды сказал:

— А я всю ночь не спал, зачитался. Хорошая книга «Жизнь Имтеургина старшего»!..

Тут хочется обратить внимание читателей на такую важную деталь: если при становлении Спиридонова как ученого огромную роль сыграл В. Г. Тан-Богораз, то для обретения своего, особого тэки-одуловского, лица молодому литератору неоценимую помощь оказал замечательный советский поэт С. Я. Маршак. Отмечу, что такую же отеческую заботу и безвозмездную искреннюю помощь представителей русского народа ощутили и ощущают все северные писатели и ученые. И в этом лишний раз убедительно проявляется подлинное братство больших и малых народов нашей многонациональной Родины...

Повесть Тэки Одулока при жизни писателя выдержала три издания в нашей стране. Она выходила и за рубежом — в Англии, Франции, Чехословакии. В 1966 году в переводе на якутский язык она вышла в Якутске.

«Жизнь Имтеургина старшего» была лишь первой частью задуманного писателем широкого прозаического полотна. В дальнейшем Тэки Одулок намеревался рассказать о жизни сына Имтеургина у русских поречан, у якутских купцов, затем — о революции на Севере, о том, как сын Имтеургина стал одним из активных строителей новой жизни на Севере. К величайшему сожалению, ранняя

Тэки Одулок — Николай Иванович Спиридонов

ЖИЗНЬ ИМТЕУРГИНА СТАРШЕГО

Художник *Ф. Ф. Павлов*
Редактор издательства *С. И. Тимофеев*
Худож. редактор *П. П. Соловьев*
Техн. редактор *М. Т. Егорова*
Корректор *Е. П. Петрова*

Сдано в набор 18/VIII-1976 г. Подписано к печати 13/X-1976 г.
Бумага тип. № 3: Формат 70x108¹/₃₂. Усл. п. л. 4,9.
Уч.-изд. л. 5,42. Тираж 25000 экз. Заказ № 218. МЛ 02930:
Цена 17 коп.

Якутское книжное издательство
г. Якутск, ул. Чайковского, 28

~~Якутское~~ республиканская типография им Ю. А. Гагарина
~~г. Якутск.~~ ул. Кирова, 9.